

Красный цветок

Автор:

Екатерина Оленева

Красный цветок

Екатерина Оленева

Красный цветок #1

Однажды они встретились. Она – маленькая невежественная нищенка из трущоб, по непонятному капризу судьбы обладающая огромной, разрушительной магической силой, и он – искушённый жизнью кровожадный оборотень, умеющий лишь использовать и уничтожать. Он хотел выковать из неё совершенное оружие, разящее надёжней стали, и у него получилось – слишком хорошо получилось. Но вот незадача: учитель страстно влюбился в свою ученицу, которую он учил убивать, а не любить.

Глава 1. Пламя для ведьмы

Жизнь начинается внезапно, да и смерть, в большинстве случаев, происходит неожиданно.

Некоторые события чётко разделяют жизнь на «до» и «после».

То туманное утро не обещало стать трагическим. В нём не было ничего особенного.

Старый сундук, служивший мне кроватью, за последние месяцы укоротился настолько, что ноги отказывались помещаться под куцее детское одеяльце.

Тёмный, продуваемый всеми залётными сквозняками закуток, от лачуги, где ночевала моя мать с очередным любовником, отделяла лишь тонкая фанерная дверь.

За ней сейчас стояла подозрительная тишина.

Так тихо себя эта парочка никогда не вела. Вечерами они бурно предавались сексу, а утро предпочитали начинать с не менее бурного выяснения отношений.

– Мама? – нерешительно подала я голос, переживая, как бы за проявленное беспокойство не огрести по шее.

Тишина за дверью с каждой секундой тревожила меня всё сильнее.

На мой решительный стук ответа не последовало.

Толкнув дверь, я заглянула в комнату и увидела жуткую картину.

Мать, скорчившись в углу на кровати, испуганно обхватила колени руками. Глаза у неё были полны запредельного ужаса, совсем как у ребенка, потерявшегося на улице.

Рядом с нею лежал на животе её любовник, широко раскидав длинные руки и ноги. У него под лопаткой у него дерзко торчал нож.

Крови почти не было. Лишь несколько багряных капель окрасили сомнительную белизну простыни.

Прежде, чем я успела испуганно завизжать, раскатистым басом ударило по стенам:

– Клойс? Эй, Клойс? Хоть девка тебе осталась отменная, всё равно пора уходить. Давай, поднимайся! Живо!

Сначала я увидела ноги. Огромные. Потом, подняв голову, встретилась взглядом с разъяренным троллем.

Нет, то, что тролли это всего лишь выдумка суеверных северных горцев я знала. Просто мужик, с его широченными плечами и окладистой неухоженной бородой, на тролля походил до невероятности.

Троль замер, исподлобья оглядывая открывшуюся взгляду сцену.

Потом, шагнув к кровати, коротким, заскорузлым пальцем надавил на то место, где у покойника должна была быть сонная артерию, будто нож в спине недостаточно красноречиво свидетельствовал о смерти его напарника или подельника, или кем он ещё там ему приходился?

– Он не дышит! – протянул мужик, с обвинением глянув на мать. – Он мёртв, слышишь?! Ты!? – повернулся он к ней. – Это ты его убила? Отвечай!

Схватив мать за плечи, он рывком сорвал её с кровати – силища в нём была богатырская, по мелочам не растраченная.

– Хотела, шлюха, чужим добром поживиться?! Сейчас ты у меня узнаешь, как обирать честных людей!

– С ума сошел? – пыталась урезонить его мать. – Зачем мне его смерть? Да у него с собой денег даже расплатиться не было!

– За это ты его и порешила? Да?

На пороге возникли ещё две упитанные рожи. Я, по наивности, подумала, что они вступятся за нас.

Но «рожи» предпочли присоединиться к троллю. Держать сторону слабого редко бывает выгодно, к тому же это часто и небезопасно.

– А ну-ка, ребята, держите-ка шлюху крепче! – приказал тролль свои подельникам. – Я сейчас проучу эту шлюху. А ну, отвечай, зачем ты уколошила нашего друга?

– Да кто ты такой, чтобы меня допрашивать?! – никогда не отличавшаяся кротким нравом, запальчиво выкрикнула мать. – Отвечу, если что, Дознавателю.

А ты – ступай к Слепому Ткачу!

Троль короткопалой клешней ухватил мать за шею.

– Дерзишь, гадина? Много о себе возомнила, маговская подстилка!

Мать хрипела, тщетно пытаясь разжать его пальцы на своём горле.

Напуганная и возмущенная, я применила Силу. Ту самую, что строго-настрога наказывалось таить и прятать.

Рой оранжевых искр полетел в наших мучителей. Магические угольки опалили косматые бороды, кустистые брови, оголяя шишковатые затылки, негуманно лишая вшей законного местожительства. По комнате распространился запах жжёной пакли.

В следующее мгновение мужики уже неслись по коридору, дико подвывая:

– Люди! Ведьма! Ведьма! Пламя – для ведьмы!!!

Мать, жадно ловя ртом воздух, держалась руками за распухающее горло. Я испуганно к ней припала.

– Что же ты натворила, девочка моя глупая? Я же тебя столько раз предупреждала. Но ничего, Одиффэ, ничего... мы выберемся.

– Что мне было делать? – заломила я руки в отчаяние. – Он бы убил тебя!

– Ведьма! Ведьма! Пламя для ведьмы! – ревела собирающаяся под нашими окнами толпа.

Взгляд матери сделался затравленным, почти безумным:

– Вставай! Вставай же! Нужно бежать.

Но сбежать мы не успели. Разъяренная, разгоряченная свора ворвалась в комнату. В считанные секунды нас скрутили и с гиканьем выволокли на улицу. Не обращая никакого внимания на мольбы и просьбы, привязали к столбу.

«Ведьме – пламя! Ведьме – пламя! Ведьме – пламя!» – несло со всех сторон.

Жутко разевались рты, щелкали зубы.

– Ведьме – пламя!

– Нет!!! – завизжала я, забившись в истерике. – Не хочу умирать!!! Не хочу!!! Не надо, пожалуйста! Не убивайте...

В лицо ударило тухлое яйцо. Разбившись, противной кашей поползло по коже. Потом ещё одно. И ещё. В ушах звенел смех.

Сорвав горло, я уже не могла кричать, и лишь стонала, не в силах увёртываться от метких ударов. Сквозь слезы, размывающие очертания предметов, мы смотрели как наши убийцы разбрасывают вязанки хвороста вокруг шеста.

– Смочи, – советовали безымянные голоса. – А то проклятые прислужницы Слепого Ткача не помучаются как следует. Быстро сдохнут. Никакой потехи.

– Пощадите хотя бы ребенка! – в отчаянии закричала мама.

– Она – ведьма! – прошамкала в ответ старуха, куда больше нас смахивающая на упомянутое создание. – Ведьма! Ведьме – пламя!

Я никогда не забуду, как открывался её ужасный беззубый чёрный рот.

– Гори огнем!

И к раскиданному сухому хворосту полетели пылающие факелы.

Я не могла поверить, что это конец. Сердце билось, а душа надеялась. Тело, молодое, полное сил, не желало сдаваться.

Только когда нас укрыло густым облаком дыма я поняла – никто не пощадит и не спасет, мы сейчас умрем лютой, жуткой, мучительной смертью.

Животный ужас вытеснил все: любовь, чувство собственного достоинства, милосердие, веру в богов и в посмертие. Крик смертельно раненого зверя устремился в небо.

Огонь взлетел, обретая полную силу. Мир скрутился, съежился, словно конфетный фантик, многоцветный и пустой. Осталась боль. Огненные ручки текли и плясали, прорываясь в легкие, сплавляя кожу, мышцы, сухожилия. Меня разрывало на части, в каждую разорванную клеточку впивались тысячи жадных плотоядных зубов. Я больше не боялась смерти. Из пучины страданий она виделась единственным спасителем, избавителем от непереносимых мук. И я звала Смерть, но она, стерва, не торопилась.

Именно в тот страшный час я начала ненавидеть простонародье, чернь, заставившую меня пройти через страшное воплощение Света – огонь.

Первым, что пришлось увидеть, придя в себя, было тело моей матери.

Её почерневшие глазницы сочились сукровицей. На лоснящемся, совершенно лысом, будто наполированном черепе лишь кое-где пружинками топорщились редкие волоски – жалкие останки прекрасных, густых кос, предмет зависти многочисленных соперниц.

В воздухе медленно оседали сажа и пепел.

Пока я поднималась на ноги, дрожащая, обнажённая, почерневшая от копоти, люди в немом ужасе наблюдали за этим простым действием.

Ведьм жгли часто. Но мало кому из них удавалось пережить смерть.

Моя боль, моя ярость, мой страх – всё это обернулась огнем. Он послушно пошел к рукам, словно выдрессированный пес по зову хозяина. Обращенное в бичи пламя летело, врезалось в тела недавних палачей.

Один за другим люди рассыпались черным пеплом, кружащимся в воздухе.

Струи-бичи взлетали и били до тех пор, пока не осталось ничего, кроме выжженной земли да высокого равнодушного неба.

Придет время, и я вновь вспомню колыбельные песни, что пела мать на ночь. Её нежный голос. Серый лес у подножья пригорка, на котором стояла наша деревня. Вспомню, двух запуганных серых мышек, пытающихся выжить во враждебном мире.

Пытающихся, но не преуспевших в своих начинаниях.

Две искорки в костре. Две капельки в бесконечном жизненном море.

Глава 2. На улицах Бэртон-Рив

Из небытия меня вырвало знание о том, что кто-то живой находится рядом.

Я села, с недоумением оглядываясь вокруг. Тяжелое небо, готовое разродиться дождем, ни о чём мне не говорило. Как я оказалась на этом чёрном обожженном пустыре? Кто я такая? Вспомнить никак не получалось.

Во рту пересохло, горло саднило. Обнаженная, словно в День Страшного Суда, я поднялась, трясась от холода.

Ветер тоскливо гремел цепями на чёрном, выпачканном сажей, столбе. Большая ворона, прогуливающаяся рядом, заметив подозрительные, с её точки зрения, движения, вспомнила, что она, как-никак птица и, возмущенно взмахнув косыми крыльями, улетела, оставив меня в полном одиночестве.

Доплетаясь до красной кирпичной коробки дома, я толкнула дверь. Взгляд выхватил из липкой темноты шаткую лестницу, убегающую вверх, скалящуюся многочисленными острыми ступеньками.

Навстречу поднялся ужасный смрад. Стараясь не обращать на него внимания, преодолевая подкатывающую к горлу тошноту, я поднялась по лестнице с облезлыми перилами на второй этаж, где и столкнулась с худеньким щуплым парнишкой лет четырнадцати.

Заметив меня, он выхватил нож, направил его в мою сторону и замер, как гончая перед прыжком, приготовившаяся отразить нападение.

Острые лезвия слегка вздрагивало в его руке, скорее пугливо, чем кровожадно.

– Девочка, ты кто? – напряженным шепотом спросил он.

Я молчала, не зная, что сказать.

– Скажи что-нибудь, – потребовал паренёк, – чтобы я мог знать, что ты живая, а не мертвяк.

– Я живая.

Голос мой звучал хрипло, будто голосовые связки успели заржаветь, как петли на дверях, которыми давно никто не пользовался.

Мальчишка медленно опустил руку, но не сводил с меня настороженного взгляда:

– Почему ты в таком виде?

Я не совсем поняла, что он имеет в виду. Мозг мой был девственно чист. Ни понятий, ни имён – неисписанный лист бумаги.

– Прикройся, – бросил он через плечо, поняв, что ответа не дождеться. – Нельзя ходить голой.

Пока я озиралась в попытке найти одежду, парень скороговоркой говорил:

– Я тут добрый час околачиваюсь, пока вот не встретил ни одной живой души. Все словно повымерли. Чертовщина какая-то. Дело тебе говорю – чертовщина. Посуди сама, всего один труп, в комнате, что напротив, а спиной ощущаешь легион неуспокоенных духов.

Мальчишка наморщил нос:

– Нужно поскорее отсюда убираться. В таких местах, как это, нельзя оставаться после заката.

Сгущающиеся сумерки обостряли предчувствие опасности и надвигающейся беды, невольно заставляли ускорять шаг. Мы быстро пересекли поле и, обогнув чахлый, грозивший превратиться в сухостойник, перелесок, миновали черту, отделяющую пригород, в котором находилась покинутая нами деревенька от окраины большого города под названием Бэртон-Рив, что означает «Город-на-Реке».

На улице не светилось ни огонька. Насупившиеся двух-трёхэтажные здания, наклепанные одно на другое, с окнами, наглухо закрытыми ставнями, напоминали ратное воинство в полных доспехах с опущенным забралом.

Свернув с прямой, как стрела, улицы, мы подошли к задыхающейся речушке, походившей на сточную канаву. В воздухе держались тяжелые миазмы прорванной канализации. Мосток, перекинутый с берега на берег, когда-то ажурный и тонкий, состарился и истончился.

– Зачем нам сюда? – осведомилась я, недовольно рассматривая кожуру с какого-то экзотического фрукта, плывущую по гнилым стоячим водам.

– Хочу утопить в нечистотах одну надоедливую девчонку, – хмуро ответил паренек.

– Хоть накормил бы, что ли, перед смертью? – буркнула я, усаживаясь на каменную ступеньку лестницы, спускающуюся к затхлой, грязновато-зелёной мутной воде.

Мальчишка присел рядом, достал из заплечного рюкзака корку хлеба и протянул мне. Я её быстренько проглотила, игнорируя неаппетитные канализационные запахи.

– Мы кого-то ждём?

– Ждем, – отрезал паренек таким тоном, что у меня пропало всякое желание задавать вопросы.

От усталости и холода тянуло в сон, и я не видела причин сопротивляться его объятиям. Казалось, глаза я прикрыла всего на мгновение.

Последнее, за что пытался зацепиться ускользающий в сновидение разум, было журчание воды, весело струящейся по камешкам.

Вода журчала по-прежнему и когда я проснулась. Стемнело. Ночь обещала быть тёмной. Густые тучи полностью покрыли небо, не давая возможности светилам пробиться сквозь толстое одеяло низких облаков. На западе полыхали далёкие зарницы. Ветер набирал мощь и скорость, но сам грозовой фронт был ещё далеко.

Придерживаясь рукой за каменную кладку стены, я спустилась на несколько ступенек. За долгие годы существования набережной лестницы они успели сильно осклизнуть, нога поскользнулась на влажной плесневой шубе и я, не удержав равновесие, упала в воду, с головой уходя в черную, ледяную, затхлую речушку.

Благодарение Дзуликим, канава оказалась не глубокой. Немного побарахтавшись, удалось нащупать дно. Отплевываясь, я принялась шарить во тьме руками. Но вместо твердого камня, они наткнулись на ещё мягкое тело утопленника, которым оказался мой недавний спутник.

Я не успела среагировать на жуткую находку, как со спины сильные пальцы сомкнулись на горле, заставляя беспомощно забиться, словно кролика, попавшего в силки. Тело мгновенно сделалось непослушным, будто сотканным

из ваты. Перед глазами поплыли алые круги. Не давая прийти в себя, невидимый душегуб стал утягивать под воду, топя, как котёнка. Липкая жижа хлынула мне в глаза, ноздри, горло, заставила лёгкие загореться, будто туда насыпали красного перца. Я все глубже уходила в мягкую бездну.

Подойдя к границе между жизнью и смертью мозг заполнился странными видениями. Мне отчётливо виделось нечто, напоминающее орех.

Я словно бы разделилась на две части. Одна «я» боролась с незнакомцем, не особо надеясь на спасение, вторая бесстрастно разглядывала явившееся видение, наблюдая, как изогнутые извилины наполняются блеском и яркими вспышками. Эти вспышки то возникали, то гасли всё быстрее и быстрее, пока по руслам-впадинкам не потекли огненные реки.

Прошло несколько мучительных мгновений, пока руки убийцы медленно разжались, подарив мне возможность жадно вдохнуть. Он медленно-медленно, словно мы стояли в зыбкой топи, погружался в жижу, его тело слабо дымилось.

Ветер крепчал.

Противный запах, въевшийся в кожу, в липнущие к щекам пряди волос, заставлял вспомнить о чистой воде. Которую, впрочем, Небеса, щедро подарили – с неба обрушился водопад.

Трясаясь от холода, достигающего последней косточки в коченеющем теле, я даже не пыталась укрыться от низвергающихся потоков дождя. Укрытие само нашло меня. Стена, к которой я прислонилась в изнеможении неожиданно скрипнула, оказавшись дверью. Поколебавшись, я положила руки на деревянное перекрытие. Дверь задымилась. Через образовавшуюся брешь худенькое тело без труда просочилось внутрь.

Никакого плана у меня не было. Хотелось отдохнуть, поесть и поспать. Именно эти примитивные желания продолжали вести меня вперед в то время как хрупкий разум почти угас. Благом являлось отсутствие обжигающе холодных струй, летящих со всех сторон.

По коридору гуляли сквозняки, но в комнатах оказалось теплее. Я с наслаждением скользнула под одеяло, игнорируя явственный запах плесени.

После купания в канализации такие мелочи не смущали.

За ставнями продолжала бушевать гроза. Трясаясь от холода и пережитого напряжения, я, свернувшись клубочком, провалилась в сон. Крупные хищные птицы закружились над головой. Их черно-сизое оперенье отливало холодной сталью. То, как безмолвно они летали, совсем низко над землей, вызывало отвращение. Огромная чёрная птица развернулась, нацеливаясь в лицо острыми, как бритва, когтями.

Взмах рукой, и стая полыхнула большим костром, закрывшим небеса.

Зрелище скукоживающегося, как прогорающая бумага, неба, было жутким. Я очнулась. Холодная комната враждебно прислушивалась к сдавленным рыданиям. Неужели это плакала я?

Гроза прошла, но было по-прежнему темно.

Поднявшись, я пустилась гулять по насупившему, недовольному присутствием чужака, дому.

Голод безошибочно вывел на кухню. Отыскав в кладовой парочку головок лука, сыр и затвердевшую булку, я кое-как затравила червячка. Пройдя черед коридор в другую часть помещения, зачарованно замерла на пороге. Потому что оказалась в женском раю – магазине одежды.

Перед большим, сверкающим в рассветных сумерках, стеклом, манерничал красавец-манекен в темном костюме, блестящем черном плаще и шляпе с высокой тульей, с элегантной тросточкой в руках. За манекеном мужчиной жеманно пряталась тоненькая девичья фигурка, запакованная в платье с кринолином, окружившим искусственную талию фестонами белой ткани, натянутой на обруч.

Повсюду в комнате красовались наряды различных цветов, фасонов, на любой случай жизни, для любого времени года и суток. Платья домашние, платья для прогулок, платья бальные, костюмы для верховой езды, пальто, плащи, подбитые дорогими мехами, а также мехами попроще и подешевле. Пеньюары, юбки, сорочки, манто, боа – целые горы прелестных тряпок.

Со всех сторон комнату охраняли высокие зеркала. Их гладкая поверхность отражала стройные аккуратные ряды с вешалками, манекены, тени светильников, столы, лавки, стулья.

Сойдясь с двойником поближе, я с любопытством рассматривала саму себя. При росте в пять футов, судя по всему, вес мой никак не мог превышать девяноста девяти фунтов. Округлые ягодицы мягко перетекали в тонкую талию. Не пышная, но упругая грудь выглядела аккуратной. Округлые плечи удерживали длинную гибкую шею. Силуэт фигуры очертанием напоминал маленькую скрипку.

Лицо с первого взгляда производило впечатление кукольной приторности: прямой носик, мягкие губки, белая гладкая кожа, округлый подбородок в ямочках. Из образа жеманной красавицы выбивались лишь глаза: черные, матовые, без блеска, они напоминали два омута, в которых пряталось нечто злое и сильное, в любой момент готовое вырваться на свободу.

Пройдясь пару раз туда и сюда, я остановилась у платья из набивного ситца с рукавчиками-фонариками и рюшами на груди, с юбкой в пол. Такое вполне под стать дочке горожанина, не слишком богатого, не слишком бедного. Обыкновенного. Поверх платья пришлось набросить плащ с широким капюшоном, отороченным мехом неизвестного пушистого четвероногого зверька.

Переодевшись, я вновь подошла к зеркалу. Из его глубины на меня смотрело сразу два облика: ребёнок и женщина. Обе маленькие и хрупкие, с точенными мелкими чертами лица, с белой мраморной кожей, как у всех рыжих, но без единой веснушки. С тёмно-огненной массой мелких длинных кудряшек, что словно рамка подчеркивали белизну кожи, с неожиданно черными, изогнутыми, как у куклы, ресницами.

Звук приближающихся шагов заставил меня вздрогнув, обернуться.

– Кто здесь? – раздался раздраженный голос.

В неровном утреннем свете выплывшая из сумерек женщина выглядела бледной и сердитой.

- Что ты здесь делаешь? – сдвинула она брови.

Что, интересно, следовало сказать? «Ворую ваши платья?».

- Ходить нагой неприлично. Вот я и решила кое-что у вас позаимствовать.

- Что ты говоришь? – насмешливо протянула негостеприимная хозяйка. – А ну, снимай с себя мою одежду, нахалка, да убирайся прочь!

- Нет.

- Что!? Да я сейчас Дознавателей позову! Я тебя застукала за воровством, да ещё готова по доброте душевной отпустить, а ты?!... Пошевеливайся, пока я добрая!

- Если я сниму одежду, так или иначе попаду к Дознавателям. Предпочитаю сделать это одетой.

Я направилась к выходу, с порога небрежно бросив через плечо:

- Всего доброго.

Мне не препятствовали.

Возможно, у хозяйки дома, на её счастье, оказалась хорошо развита интуиция.

Улицы наполнились звенящими голосами. По мощеным улочкам стучали деревянные обода колес, острые женские каблучки, тяжелые мужские трости. Пищали многочисленные детские голоса, хрипло лаяли собаки. Даже деревья явственнее шуршали едва тронутыми осенней кистью золотыми кронами. Кое-где ещё продолжали клубиться клочки разошедшегося к полудню тумана, впрочем, они нисколько не мешали наслаждаться видом.

На высокой набережной реки Рив удобные скамейки, украшенные резными поручнями, приглашали присесть, отдохнуть, понаблюдать за неспешным, размеренным течением вод. Часть города виднелась отсюда, как на ладони: умытая яростной ночной грозой, окутанная не до конца ушедшими снами.

Ещё немного поплутав, удалось выйти к торговым рядам, где бойкие торговки, распахнув ставни, вывешивали свой товар в надежде завлечь привередливого покупателя. Толстые кровяные, копченые, сыроваренные колбасы, душистые головки сыра, ароматные крендельки, толстые сладкие пирожки с золотистой корочкой – всё, что душе угодно было здесь. Чувство голода, вызванное отрадной для взора картиной, пересиливало и гордость, и застенчивость. Потоптавшись немного у порога булочной, я вошла внутрь. Пожелав доброго утра толстухе за стойкой, спросила, не будет ли она столь любезна, не окажет ли мне милость, не угостит ли этой вкусной булочкой?

– Если я стану угощать бесплатно, то разорюсь, – отрезала торговка.

И окинув меня беглым взглядом, добавила:

– Здесь не подают милостыни.

Много позже мне приходилось тихонько раскаиваться в той, самой первой, расправе, совершенной в голодной горячке. Но угрызениям совести, следует признать, всегда не хватало глубины. Уж больно хороши были отвоєванные крендельки.

Собрав булочки в подвернувшийся под руку пакет, я покинула место преступления и вернувшись на набережную, с удовольствием подкрепилась. Недоеденные кондитерские трофеи превратив в крошки оставила в кормушках для птиц. Благодарные пичуги радостно, благодарно чирикали.

Потом, почти против воли ноги сами повлекли меня назад, к булочной, откуда разумнее всего было бы держаться подальше.

У распахнутых дверей уже стояли Дознаватели из Департамента Расследований. Моё внимание привлёк высокий светловолосый мужчина. Впрочем, он не мог не привлекать к себе внимание. Одна его одежда чего стоила: обтягивающие кожаные штаны, черная рубашка, застегивающаяся совершенно непостижимым

образом (ни пуговиц, ни крючков, ни шнуровок не прослеживалось, какие-то непонятные металлические штыри да шарики), короткая красная куртка.

Но дело, конечно же, было не столько в одежде и даже не в волосах, белых, как серебряный свет Сиа, не в тонких, резких, соразмерных чертах лица. Всеобщее внимание привлекали глаза, яркие до неприличия, до дрожи в коленках, до мурашек на руках, они выдали в мужчине аристократа и мага. У простых людей такой синевы во взоре не бывает.

Будто привороженная, я, не отрываясь, глазела на дознавателя в вызывающе-красной куртке, когда из булочной вынырнул лысый коротышка с пухлым подбородком, пухлыми маленькими ручками и пронизательными глазками-буравчиками, старательно прячущимися за толстыми, как у ребенка, щеками и мясистым носом.

– Увы, маэстро, они не ошиблись. Дерьмо по нашей части, – громогласно оповестил коротышка всю улицу. – Магия, вырви мне упырь селезенку! Плюнь ядовитая гюрза в глаза!

Хрустнув сочной упаковкой, толстый коротышка-дознователь отработанным движением забросил в рот жевательную пастилку.

– И что теперь будем делать? Не носиться же нам с какой-то мелюзгой?

Мужчина в красной куртке улыбнулся, хотя улыбка его никак не затрагивала глаз:

– Раз по нашей части, значит, будем носиться. Ничего не поделаешь.

– И кого только посетила мысль применять Негасимое Пламя, чтобы пришить невзрачную простолоудинку, а? Это ж магия такого уровня, что ого-го! Нет, ну это же как по муравью бомбой садануть. Зачем, спрашиваю?

– Нужно проверить. Причина есть. Нужно только докопаться до неё.

Видимо почувствовав мой взгляд, красавец-блондин резко оборвал фразу и оглянулся.

Я поспешила уйти.

Бегущие по небу облака поначалу лишь прикрывали солнечное сияние, но, сгруппировавшись в тучу, погасили его полностью. Осенью дни коротки.

Очередное место, куда меня занесли ноги, отнюдь не выглядело презентабельным, хотя назвать его некрасивым не поворачивался язык. Элегантные фронтоны домов кое-где венчали остроконечные шпили, но большей частью это были объемные, выпуклые купола, щедро покрытые сусальным золотом и ляпис-лазурью. Разноцветные стекла отбрасывали радужные блики. Ещё не стемнело, но фонари и рекламные щиты уже переливались огнями с изображениями девиц с высоко поднятой грудью да смазливых юнцов в мокрых рубахах, жадно липнущих к телу.

На улице господствовала особая красота утонченного, болезненно-рафинированного разврата. Красота извращенная, в равных пропорциях вызывающая любопытство и омерзение: огни, мрамор, тела в шёлке одежд, нагота в блеске драгоценностей. Каскад волос, искусно заплетенных и причудливо распущенных; магия округлых грудей и широких плеч; музыка, смех, стоны наслаждения, крики экстаза. Настежь распахнутые, зовущие двери.

На другом конце узкой улицы появился экипаж. Прогромыхал и остановился, покачиваясь на новых рессорах. Дверца бесшумно распахнулась и так же беззвучно закрылась стоило мне оказаться внутри деревянного передвигающегося ларчика, приятно пахнущего свежим лаком.

– Разве я тебя приглашал?

Манерно прозвучавший голос показался мне неприятным.

– Разве нет? – изумленно затрепетала я ресницами. – Вы остановились напротив меня. Вот я и подумала, что это приглашение.

Мужчина кончиком трости бесцеремонно отбросил с моего лица капюшон, чтобы иметь возможность лучше рассмотреть товар.

- На кого ты работаешь, девочка?

- Ни на кого.

- О? Так бывает? - недоверчиво протянул незнакомец. - Ладно, не хочешь говорить, твоё дело. Сколько?..

Я нахмурилась, изо всех сил пытаюсь понять, о чём может идти речь. Но память по-прежнему отсутствовала, в голове царили легкость и пустота. Никаких ориентиров, звоночков, намёков.

- Сколько ты стоишь?

- Не знаю, - пожала я плечами. - Наверное, нисколько.

- Ты утомительна, - вздохнул мужчина.

Прекратив разглядывать ногти, он посмотрел в упор так, словно иголку в бабочку вгонял. Лицо до сего момента почти полностью скрывал высокий воротник, так что я только теперь увидела на глазах мужчины стёклышки очков, заключенных в тонкую сверкающую оправу.

- Как тебя зовут? - спросил он.

Как не напрягала я память, ничего кроме темноты, пустоты и кружащихся в небе ворон вспомнить не могла.

- Я спросил, - с нажимом повторил мужчина, - как твое имя?

- У меня нет имени, - тихо ответила я.

- Что ж? Инкогнито так инкогнито. Так даже лучше, - неприятно засмеялся незнакомец.

В этот момент карета остановилась.

Мужчина не пытался выказать хорошего воспитания, достойного его высокого положения. Руки мне не протянул. Выбраться из экипажа пришлось самостоятельно.

Помедлив немного на пороге, я прошла в распахнутые двери.

Пустота внутри меня раздражала в той же степени, что и пугала. Я – Никто, иду в Никуда, непонятно зачем. Звуки шагов гулко отзывались эхом от холодных стен и высоких потолков.

Щёлкнув огнивом, мужчина зажег свечи в канделябре. Свет храбро попытался побороть темноту, но был обречен на поражение, лишь умножая количество теней.

– Выпьем?

Я отказалась.

– Вот как? – Пожал плечами он. – Что ж, если прелюдию ты считаешь излишней, я не прочь перейти к главному.

– Пустите!

В первый момент я даже не испугалась, просто стало противно, когда его язык скользким угрем устремился мне в рот, а мокрые холодные губы напомнили отощавших за зиму жаб. Прикосновение рук, жадно шаривших по моим ногам, костлявых и липких, вызвало тошноту. В негодовании я попыталась отпихнуть от себя мужчину. Плечи у него широкие и твердые, он был таким огромным, что в его руках я ощущала себя бесполезной болонкой.

Вот когда я поняла, что не могу так просто остановить его, тогда пришли страх и ярость. Я принялась брыкаться, как взбесившийся жеребёнок. Я изворачивалась, кусалась, царапалась. Но всё было бесполезно. Скорее чисто инстинктивно, поскольку память моя всё ещё спала беспробудным сном, я использовала классический женский прием – ударила мужчину коленом в пах.

Возможно, будь я женщиной, это и сработало бы, но учитывая разницу веса, роста и комплекции, лучше было бы этого не делать. Противнику мой удар был как слону – комариный укус. Только сильнее разозлил и раззадорил.

Зарывав, насильник обнажил дыблящийся, бледно-розовый, влажный, покрытый вздутыми венами, член, показавшийся мне ужасным орудием пытки.

В ужасе я замотала головой.

– Хватит тут девственницу из себя корёжить! – рявкнул он. – Давай! Возьми его в рот.

Теперь я понимаю, что, возможно, мужик на самом деле и не был таким уж чудовищем. Он встретил меня на улице, где на протяжении нескольких веков проститутки всех мастей торгуют своим телом. Он понятия не имел о том, что я оказалась там чисто случайно.

Если бы он только был чуть более чутким и внимательным, это спасло бы ему жизнь, а мне – нервы. Но печальная правда жизни заключается в том, что мужчины вообще редко бывают чувствительными и внимательными, а уж те, кто не гнушается покупать для удовлетворения своей похоти детей – и подавно.

Моё поведение, наверное, казалось ему столь же нелепым, как мне его – возмутительным. На лицо было банальное противоречие и конфликт интересов.

Когда его член приблизился к моему лицу я подумала, что сейчас умру, скончаюсь от гадливости:

– Лучше засунь его себе в задницу, гадёныш!

Мужик с силой прижал мое лицо к своему восставшему жезлу, разом отсекая ненужные ему прения.

У меня не оставалось выбора. Я поняла, что должна сделать. И, не колеблясь, сделала это – сжала зубы на его единственном достоинстве, которым он столь бездумно и опрометчиво тыкал мне в лицо.

Крик боли вперемешку с возмущением резанул по ушам.

Воспользовавшись тем, что меня больше не удерживают, я бросилась в ближайшую дверь. В маленьком коридорчике пряталась тонкая винтовая лестница. Подхватив разорванные, волочившиеся по полу юбки, я помчалась вверх, успев миновать несколько пролетов до того, как руки преследователя кольцом сомкнулись на талии.

– Сука!!! – рявкнул он мне в ухо. – Ты поплатишься!

Откинув голову, я затылком резко ударила ему по зубам, чувствуя, как движение болью отдается во всей голове.

Дужка очков у моего мучителя треснула, по стеклам потянулась тонкая паутинка трещинок. Уж не знаю, как сама, но противник выглядел и жутко, и смешно – без штанов, с волосатыми ногами, с безумно вытаращенными глазами.

Прозвеневший в тишине смех для меня самой стал неожиданностью.

На щеке мужчины задергалась жилка:

– Я тебя убью, трущобная крыса, – пообещал он спокойно, тихим твёрдым голосом.

Смех застыл у меня на губах.

Не теряя времени даром, он замахнулся и попади кулак в цель, возможно, его слова стали бы пророческими, а эти мгновения в моей жизни последними. Но я увернулась, и мы покатались по лестнице.

Уцепившись за поручни, мне первой удалось замедлить падение. Противник поднялся на ноги несколькими ступенями выше. В руке моей словно сам собой загорелся алый огненный шар и направился к моему врагу прежде, чем я успела удивиться такому повороту событий. Магическая огненная плазма не настигла цель, расплескавшись по деревянным панелям дома. Разметались по сторонам горячие языки пламени.

В памяти зашевелилось нечто настолько пугающее и ужасное, что я сорвалась с места, ворвавшись в ближайшую комнату, захлопнула за собой дверь, на миг скрывшей меня и от преследователя, и от огня. В изнеможении прислонившись спиной к ненадёжной преграде, я зажмурилась. Перед глазами мелькали образы убитого мной мужчины и какой-то жуткой беззубой старухи, что-то кричавшей мне.

Что она выкрикивала? Угрозы? Предупреждения? Предаваться воспоминаниям было некогда. Из-за закрытой двери валил ядовитой, удушливый дым, принявшись метаться по комнате, заставляя слезиться глаза. Я закашлялась.

Сильный удар в дверь заставил ту распахнуться, а меня отлететь в сторону.

– Ну, тварь! Где ты?! – ревел мой преследователь, похожий на сбежавший из Бездны темный дух. – Выходи, гадина!

Дым сослужил мне хорошую службу, скрыв от взгляда преследователя. Я успела добраться до окна и распахнуть его. Приток свежего воздуха будто плеснул масла в огонь, языки пламени удлиннились, а дым из серого превратился в черный.

Шагнуть на широкий резной карниз было делом нескольких секунд, но ухватиться за водосточную трубу, чтобы без труда спуститься по ней, я не успела. Жесткие пальцы упрямого преследователя, упорно не желающего отставать, обвились вокруг щиколотки и потянули меня назад, в геенну огненную.

Лягаясь, как перепуганная лошадь, я кажется ударила его то ли в лицо, то ли в грудь, после чего его пальцы на мгновение разжались, но для меня это обернулось не спасением, а гибелью. Я кубарем покатилась вниз.

С четвертого этажа.

Глава 3. Спаситель

Когда небо и земля резко меняются местами, сложно понять сразу, уцелел ты или нет.

Первое, что я почувствовала, это изумление от того, что мне не больно. А ещё страх, что как только первое шоковое состояние пройдёт, больно всё-таки будет. По крайней мере утонув в чём-то обманчиво мягком встать я не могла, хотя руками и ногами, кажется, двигала.

Потом поняла, что меня держат. Кажется, на руках. И с немым изумлением воззрилась на того, кто удосужился так ловко меня поймать. Да ещё и удержать на весу в придачу. Как такое вообще возможно?

В нескольких дюймах от меня парило нечеловечески белое лицо, на котором ярко выделялись кроваво-алые губы. Для того, чтобы запомнить ещё какие-либо детали облика, я была в слишком смятённом состоянии.

– Вы... вы в порядке? – прохрипела я.

– Я?..

В этот момент дверь распахнулась и, обдавая нас запахом едкой гари, из горящего нутра дома вывалился кошмар моих последних часов.

Интуитивно я сжала пальцы, вцепляясь в одежду моего незвано-негаданного спасителя:

– Помогите, маэстро, – скороговоркой проговорила я. – Не отдавайте меня ему, пожалуйста!

Я не противилась, когда меня поставили на землю.

От преследующего жуткого монстра теперь отгораживало плечо незнакомца.

– Отойдите! – хрипло прорычал тот. – Я не хочу причинять вам вред. Но эта мразь заплатит за то, что сожгла мой дом. Она ещё пожалеет, что на свет родилась.

– Опустите оружие, – прозвучало в ответ.

Голос был тихий, ласкающий, словно бархат, низкий, похожий на мурлыканье большого чёрного кота. Такие голоса женщины слышат в тайных сладких снах чтобы тосковать по ним, просыпаясь.

– Она моя по праву! Я взял её на Улице Удовольствий, в Красном районе. Она не отработала задаток, выставила меня посмешищем, да ещё устроила пожар в придачу!

– Он говорит правду? – чуть повернув голову, спросил мой спаситель.

– Конечно, я говорю правду! – в ярости прорычал надоевший мне до смерти мерзавец.

– Я не к тебе обращаюсь, милый, – угрожающе мягко, с заставляющей холодеть душу насмешкой, проговорил неизвестный. – Я хочу услышать, что скажет эта куколка?

– Не знаю я никаких районов! Мне просто некуда было идти, а на улице так холодно. Я хотела погреться, вот и села к нему в карету, а он... он...

Я не знала, какие подобрать слова для описание тех непристойно-грязных минут, что этот человек заставил меня пережить. От стыда горели щёки.

Холодный ветер выбивал из моего измученного тела последние остатки тепла. Стараясь хоть как-то удержать его, я обхватила свои плечи руками.

Незнакомец развернулся ко мне уже влоборота, повернув не только шею, но и корпус. На мгновение померещилось, что глаза его отливают зловещей зеленью, как у кошек, охотящихся в ночи.

– Разве ты не знаешь, для чего мужчины приглашают красивых девочек к себе в карету на ночь глядя? – журчал ровно, как вода по камешкам, его шелковисто-вкрадчивый голос.

Я не знала, что ответить.

– Что ж молчишь?

– Я не пойду с ним. Не подчинюсь ему. Не стану делать то, что он хочет.

– Ясно.

Сейчас я не могу поручиться за то, что мой навязчивый поклонник напал первым, но в то мгновение я в этом не сомневалась. Всё произошло мгновенно. Размытая чёрная тень, словно разлетающиеся в стороны крылья, неясный блик-отблеск. Потом тень уплотнилась, вновь превращаясь в человека, только вместо рук у него были, как мне показалось, острые, изогнутые сизые когти, обагрённые кровью.

Волосы, упав на лицо моего спасителя, скрыли его от меня.

Выпрямлялся он медленно, проводя тыльной рукой по губам. Подняв руку в пригласительном жесте, протянул ко мне узкую ладонь с нервными, тонкими, как у музыканта, пальцами.

Словно зачарованная, я молча смотрела на него, трясась от холода всё сильнее.

– Спасибо, – выдавила я наконец из себя. – Спасибо, что вступились...что помогли... и что... убили его.

– Я убивал куда более приятных людей за куда меньшие прегрешения, мне это было не сложно. Не стоит благодарности.

Он неторопливо приблизился, кладя горячую руку мне на плечо:

– Мне ты скажешь, как тебя зовут, девочка?

Я замотала головой.

– Нет? – удивленно приподнялись тёмные брови.

– Я не знаю своего имени. Вернее, не помню его.

- Где ты живешь, тоже не помнишь?

- Нет.

- А ты, случаем, не врешь, куколка?

Я поглядела на него почти обиженно, невольно придвигаясь ближе. Так было теплее.

- В этом мире есть непослушные маленькие девочки, любящие искать приключения на свои очаровательные маленькие попки, - с улыбкой сообщил он мне. - Девочки, сбегаящие от родителей из дома?

- Если бы я помнила где мой дом, маэстро, я бы не была сейчас здесь с вами. Я пошла бы туда незамедлительно. Там... там, наверняка, гораздо теплее...

- Да ты совсем заоченела, крошка.

Скинув с себя плащ, он набросил его мне на плечи, сразу же окутав каким-то незнакомым приятным запахом и блаженным теплом. Я благодарно завернулась в столь щедро предложенный подарок.

- Сколько тебе лет ты тоже не помнишь?

Пришлось снова мотать головой. Я не помнила.

- Надо же тебе было вот так, буквально, свалиться мне на голову. Что же теперь с тобою делать, а? - задумчиво протянул он.

- Не знаю.

- Сегодня ночью все три луны слишком ярко сияют на небе, - голос незнакомца зазвучал ещё мягче и вкрадчивее. - Полнолуние Трёх Лун, время Великой Охоты. Знаешь, человеческий детёныш, такие как я, в стародавние времена без жалости пожирали таких, как ты - тёплых, нежных, девственно-чистых. Вас приносили нам в жертву, чтобы мы могли утолить свой вечный голод перекусив

ваши тонкие шейки. Это всё упрощало, не находишь? Хотя, о чём это я?.. Ты ведь даже имени собственного не помнишь, что тут говорить о старинных легендах далёких Синих Гор? Ладно, крошка, буду считать тебя своей добычей.

Незнакомец напрягся, прислушиваясь.

-Вот задница тролля! – оскалился он, – Сюда спешит департаментский патруль.

Я ничего не слышала. На улице было темно и тихо.

- Уходим. Быстро!

Подхватив меня на руки мой прекрасный рыцарь небрежно перекинул меня через плечо, будто я была кульком с мукой. Он не побежал по дороге, как я ожидала, а зачем-то прыгнул на стену, легко и ловко взбираясь по ней вверх.

Небо и земля снова перемешались перед глазами. Меня замутило, и я провалилась в темноту, кажется, в очередной раз потеряв сознание.

Комната, в которой я пришла в себя, была похожа на Знак Вечной Жизни – круглая, словно её не строили, а рисовали. От пола до потолка ниспадали легкие, струящиеся под лёгкими тёплыми сквозняками, драпированные занавеси. Колышущаяся ткань создавала впечатление неустойчивости, ирреальности пространства.

От металлической жаровни, расположившейся посередине зала, сизой струйкой вился ароматный дымок. Подо мной стлался ковер с длинным ворсом.

- Очнулась?

Я приподнялась на локтях, чтобы увидеть того, кто говорит со мной.

Он стоял над круглым овальным бассейном, над которым поднималось горячее облако пара. Вода стекала из раковины с изображением скалящихся горгулий и с тихим шелестом падала в бассейн. Силуэт моего спасителя словно реял в

полумраке пара и света, скупо отбрасываемого светильниками, выполненными в форме сталактитов.

– Не хочешь принять ванну, куколка? Она поможет быстрее согреться. Сейчас ты похожа на замухрышку. С этим срочно нужно что-то делать.

Он поманил меня за собой.

Гладкая смуглая кожа обнажённого рельефного торса влажно мерцала от благовонных притираний, чёрные косы тяжелой волной спадали на плечи и спину, будто у женщины. Треугольное кошачье лицо, с яркими губами и высокими лепными скулами зловеще парило в облаке пара. Оттянутые к вискам глаза с тяжелыми, нависающими веками, щелевидными зрачками, отличались нечеловеческой красотой.

– Ну же? Чего ты ждёшь?

– Отвернитесь, пожалуйста, – стыдливо прикрываясь руками, попросила я.

– Отвернуться? – ухмыльнулся он. – Ты льстишь себе мыслью, что у тебя есть на что посмотреть?

– Если не на что, тем более – отвернитесь. Мне так будет легче.

Рассмеявшись, он повернулся ко мне спиной, первым погружаясь в горячую воду.

Мысль о том, чтобы последовать за ним, казалось невероятной, непристойной до лёгкой тошноты, отчего-то сопровождающейся головокружением. Не раздеваясь, я приблизилась к краю бассейна и, осторожно встав на колени, опустила в воду пальцы.

– Ты боишься воды?

– Нет, просто я... Ой! – возмущенно пискнула я, когда с потрясающей скоростью меня схватили за руку и дёрнули в воду.

– Просто ты ужасная трусиха, да? Вот видишь, это совсем не страшно. Даже приятно.

Его лицо находилось совсем рядом. Я не могла не отметить, что мой спаситель был красив гипнотизирующей, опасной красотой хищников. Странное, непонятное чувство охватило меня, незнакомое, острое. Я не могла понять, приятно оно мне или нет.

Ухмыльнувшись, он набрал пригоршню воды и плеснул мне в лицо, так, что вода противно защипала нос, заставив меня отфыркиваться и отплевываться, а его – рассмеяться.

– Что смешного? – возмутилась я.

Вместо ответа меня с головой окунули в воду, но прежде, чем я успела испугаться, снова отпустили.

– Какого Ткача Слепого?!.. – выругалась я, зло сверкнув глазами.

– Нужно же вымыть волосы? – изобразил он полнейшую невинность.

Я не сопротивлялась, застав в его руках испуганной задеревеневшей куклой.

– Расслабься, – сверкнули в усмешке белоснежные зубы.

Интересно, мне померещилось, или они в самом деле несколько острее обычного?

– Сегодня ты моя гостья. Гостей я не ем.

Он откинулся на край бассейна, вытягивая длинные мускулистые руки с сильными гибкими пальцами вдоль бортиков.

– Малютка, у тебя очень необычные волосы. Словно водоросли, напоенные кровью или рубины, раскатанные на нити... красивые. Когда немного нагуляешь мяса на кости, вполне может статься что красивыми у тебя окажутся не только волосы. Ну что ж, моя загадочная негаданная добыча, – покачал он головой, – у

любого существа, пусть даже у дворняжки из подворотни, есть имя. Раз ты не помнишь того, которым нарекли тебя родители, придётся дать его заново. Чтобы такое оригинальное придумать?

В задумчивости он накручивал чёрный гляцевый локон на палец. Почему-то хотелось, чтобы вот так же задумчиво и ласково он касался моих волос, раз находит их красивыми. От этих мыслей щеки начало заливать краской.

– Огонь, подвластный тебе, мои сородичи из Клана называют Красный цветком. Опасно, ярко, красиво. Что думаешь?

– Красный цветок? Странно имя. А тебя как зовут? – спросила я.

Не то, чтобы мне было очень интересно. Просто я хотела отвлечься от мысли о его руках.

– Миарон Монтерэй.

– Красивое имя.

– Тебе оно не подойдет, – насмешливо протянул он. – Давай-ка выбираться из воды, пока кожа не сползла с мяса.

Он поднялся с совершенным бесстыдством, несколько не рассчитанным на соблазнение, равнодушный и холодный, как если бы я была не живым существом, способным дышать и чувствовать, а такой же статуей, как те, что поддерживают раковину над бассейном.

Набросив на плечи алый с золотом халат, замечательно подчеркивающий и тон его кожи, и цвет волос, он обернулся ко мне, приподняв бровь.

– Прикажешь вытаскивать тебя из воды тем же способом, которым туда затащил?

– Не надо. Я сама. Только... отвернитесь. Пожалуйста.

Скрестив бугрящиеся мышцами руки Миарон с усмешкой покачал головой, но просьбу мою всё же выполнил.

– Одежда на краю ванной. Не задерживайся, милая.

Стараясь унять странное смятение, я торопливо натянула на себя алую тунику, оставленную им для меня. Та была немного великовата. Пришлось перехватить её золотистым жгутом, валяющимся на полу. Вода с волос стекала на спину и грудь, заставляя ткань липнуть к телу, но вокруг было тепло, даже жарко, так что особых неудобств мне это не доставляло.

К тому моменту, как я вышла из ванной, Миарон уже успел приготовить ужин. Или ранний завтрак, кто разберёт?

Прямо на полу растянулась скатерть. На ней аккуратно, в ряд, выстроились чайник с дымящимся кипятком, чашки, пузатый сливочник, сахарница, фарфоровые тарелки с миндальными пирожными, украшенными сочными фруктами.

– Присаживайся, – гостеприимно пригласили меня. – Надеюсь, ты любишь сладкое?

– Может быть. Я...

– Не помню, – закончил он, глядя на меня с усмешкой. – Ну так попробуй и определись ещё раз. Только на этот раз постарайся не забыть.

Миндальное пирожное показалось мне вкусным. Наверное, всё-таки, сладкое я люблю.

Смахнув с пальцев крошки, я перехватила задумчивый, внимательный взгляд Миарона.

– Когда ты придумывал мне имя, ты говори «в моем Клане»? Почему клане? Почему не в семье?

– Потому что я метаморф. Таких, как я, у вас, людей, называют оборотнями. А оборотни живут кланами.

Я прислушалась к тишине в моей голове. Полученная информация ни о чем мне не говорила.

– И что это значит – быть оборотнем? Это значит уметь отраживать длинные когти, как те, которыми ты убил, когда защищал меня?

– Большинство людей считают таких, как я, чудовищами. Люди боятся зверя, который делит с нами душу напополам. Они боятся, что зверь в нашей душе окажется сильнее человека.

– А ты чудовище?

Он ухмыльнулся:

– Да. Чудовище. Но не потому, что зверь контролирует меня. А потому, что я добровольно служу своему зверю. Ты хоть понимаешь, о чём я тебе говорю, милая?

Я старалась слушать его очень внимательно. Мне нравился его голос. Но значение слов от меня ускользало.

Миарон снова приблизился на расстояние вытянутой руки, опускаясь рядом со мной на одно колено, склоняясь ровно настолько чтобы наши глаза были на одном уровне. Рот оборотня напоминал запекшуюся рану, губы выглядели вызывающе алыми, будто он только что напился горячей человеческой крови. От него веяло магнетически-притягательным теплом.

– Чудовищем люди называют ненасытных монстров, – его ладонь коснулась моих волос, мягко скользая по ним. – Монстров, чей голод так трудно бывает утолить...

Я почувствовала, как вторая его ладонь ложится в основании шеи, как алые губы почти касаются моего уха.

– Чьи аппетиты и амбиции непомерны, чей разум не признаёт ни запретов, ни ограничений в поисках жертвы для новых удовольствий.

Я дёрнулась, почувствовав горячее прикосновение его зубов, царапающую кожу на моём горле, в том самом месте где, казалось, как раз и билось сейчас сердце.

– Не надо! – испуганно вскрикнула я, отшатываясь.

Он послушался, отодвинулся почти сразу же.

Прикоснувшись к шее я с удивлением поняла, что она кровоточит. На ладони остался противны липкий след.

– Зачем? Зачем ты это сделал? Решил перекусить? – попыталась пошутить я.

– Считаешь такой исход маловероятным? – он вальяжно раскинулся в трёх шагах, глядя на меня исподлобья и как нельзя больше напоминая сейчас пантеру, терпеливо выслеживающую жертву.

Поза его была подчеркнута расслабленной, а взгляд тяжёлым.

– Ты людоед?

Он рассмеялся:

– Тебя очень испугает, если я скажу, что знаю, каково на вкус человеческое мясо?

– Да.

– Тогда я не стану распространяться на эту тему. Кстати об аппетите? Съесть ведь можно по-разному, моя милая. Самые примитивные из чудовищ пожирают тела. Те, кто стоят на порядок выше, предпочитают питаться эмоциями или даже душами.

– Питаться душами – как такое возможно?

– Непременно покажу, но только когда ты станешь немного постарше. А пока просто расскажу. Хочешь?

Он хищно подался вперёд, и я снова почувствовала себя беспомощной ланью в когтях у страшного льва.

– Сначала я буду держать в руках твоё сердце. Потом – тело. И лишь много позже дело дойдёт до души...

– Зачем она тебе? Своей мало?

Я говорила, чтобы не молчать, потому что тишина пугала меня сильнее слов.

Я глядела на бугрящиеся мышцы у него на груди, на выступающие острые ключицы, на которых кожа была натянута так гладко, что так и хотелось протянуть ладонь и попробовать, настолько ли она шелковистая, как обещает? И не решалась поднять глаза, боясь встретиться с ним взглядом.

– Зачем мне душа? Что я стану с ней делать?

Его голос звучал по-прежнему саркастично и в тоже время едко, как если бы мужчина внезапно на что-то разозлился.

– Думаю, это обычный вопрос власти. Любовь порабощает людей, превращает их в безвольную жертву, игрушку чужих страстей. Любящий – вечная жертвенная овца на непрекращающемся заклании. Иметь власть приятно, любить – унижительно больно. А вот получать жертву – чудовищно приятно. Это греет.

– Зачем ты всё это мне говоришь? – нахмурилась я.

– Ты спросила, что значит быть чудовищем? Я тебе ответил.

Какое-то время мы сидели молча. Я смотрела на танцующие в жаровне языки пламени.

– Отпустите меня, – жалобно выдохнула наконец.

- Отпустить?.. Зачем? – удивился он. – Да и куда? Тебе же некуда идти.

- Возможно дорога в никуда лучше, чем жизнь с чудовищем?

Взглянув на меня, он снова гортанно рассмеялся:

- Возможно, милая, возможно. Только я тебя никуда не отпущу. Как можно поступить так с невесть откуда свалившейся на тебя добычей? Нет, куколка, из когтей я тебя теперь уже не выпущу.

Глава 4. Ученица зверя

- Я решил, что с тобой делать, – деловито сообщил мне оборотень, врываясь в отведённые для меня комнаты спозаранку.

Рывком меня подняли с постели и снова всей кожей я ощутила идущий от его тела нечеловеческий жар.

- Иди за мной.

- Но я не одета...

- Ерунда! – нетерпеливо отмахнулся он.

Длинный коридор вывел в тёмную, окружённую белыми колоннами, лишёнными орнамента, залу. В центре, на круглом постаменте, похожем на алтарь, возвышался удивительный ансамбль: белоснежная женская фигура и обнимающий её уродливый великан с лицом, напоминающим причудливую смесь кабана, медведя и химеры.

- Кто это? – спросила я.

– Это? Хантр-Руам, демон боли и запретных страстей, укрощенный рукой Литуэллы, царицы ночи.

– Вы поклоняетесь им?

– К Хантр-Руаму в клане Черных Пантер обращаются перед боем. Во славу его, с именем его, тысячи племен обнажали оружие, стремясь напоить клинок кровью. Летописи клана, в котором я родился, повествуют о великих победах, одержанных в его честь и во славу его имени. О поражениях, правда, скромно умалчивают, хотя и их случилось не меньше. В переводе на твой язык Хантр-Руам буквально означает – Пожиратель Плоты.

– А кто такая Литуэльль?

– Ты никогда не слышала легенд о Хозяйке Бездны, сотканной из того же пламени, что и Слепой Ткач? – удивился Миарон. – Они в широком ходу и у людей.

– Если и слышала, так забыла теперь, – со вздохом откликнулась я.

– Согласно древним поверьям и старинным пророчествам, Литуэльль хранит рубежи между нашим миром и мирами Бездны, подчиняя себе почти все кошмарные порождения, сотворённые её братом. Когда демоница воплотится в наш мир, Врата останутся без охраны, оковы рухнут и наступит Час Часов, Последний День. Стандартная формула конца времён: мир рухнет, спасутся лишь праведники, на всех остальных ляжет жестокая, неотвратимая кара – и бла-бла-бла. У всякого народа есть подобные страшные сказочки на сон грядущий. В них справедливость, пусть и жестокая, рано или поздно торжествует. Должны же несчастные получать удовлетворение за то, что прозябают, в то время как другие живут на полную катушку?

– Ты всему этому веришь?

– Скульптура стоит здесь не символом веры, Красный Цветок. Она олицетворяет как умение отпускать свои дурные стороны, своего зверя, так и умение брать его под контроль, укрощать, сажать на поводок, совсем как Литуэльль держит подчинённого ей Хантр-Руама. Человек без тёмной половины пресен. Человек, растворившийся в гневе страшен, но скучен, ибо примитивен и груб, а не

знающий гнева – ущербен. Подчинённой похоти и страстям жалок и мерзок, не ведающий их – бесчеловечен. В любом, самом страшном мраке должен оставаться луч света, как и в любом, самом ярком свете – дрожать островок тьмы. У богов два начала пребывают в равновесии, потому они и боги. Что касается всех остальных – слабых ли, сильных – они мечутся в самоопределении.

Миарон отбросил смолянисто-черную косу, в которую были заплетены его волосы, с груди на спину, и сверкнул оскалом хищной ухмылки:

– Мне кажется, мы достаточно поговорили о великом и общем. Пришло время вернуться к малому и частному – я тебя имею ввиду, куколка. Раз уж ты сама имела неосторожность беспечно свалиться мне на голову я не стану пренебрегать знаком свыше. Ты станешь первой женщиной, которую я допущу в эту комнату. Это не Святилище древних богов, как ты думаешь, милая. Это – учебная арена.

– Учебная арена? – обвела я широкую круглую залу взглядом. – И чему тут учат?

– Убивать.

Неожиданно чеканные строгие черты оборотня исказилось. Между его губами промелькнули острые клыки, из глотки отчетливо вырвалось рычание. Неизвестно откуда в руках Миарона оказался стилет. Лезвие, тонкое, как игла, ослепительно сверкнуло.

– Что у меня в руках?

Вкрадчиво угрозой шелестел его голос, гулко растекаясь по зале эхом.

Слова не дались мне с первого раза, пришлось судорожно сглотнуть, прочищая горло от судороги страха:

– Оружие.

Свет, сосредоточенный на лезвии, завораживал. Холод острия – пугал.

– Ты знаешь, зачем людям оружие, Красный Цветок?

– Чтобы... чтобы убивать.

– Верно. Чтобы убивать.

Точным, как прыжок хищника, отточенным движением, кинжал послали ко мне без всякого предупреждения.

Уклониться я уже не успевала. Я ничего уже не успевала! В ужасе хотелось закрыть глаза, а ещё лучше – лицо руками. Но что-то во мне, что Миарон потом называл внутренним зверем, а я определяла для себя, как Силу, сути которой до сих пор понимаю не лучше, чем сложные законы мироустройства, непонятную мне нотную грамоту или запутанную юридическую казуистику, интуитивно спасая меня превратило пространство в пылающий ветер. Под его дуновением в движение пришло всё – предметы растягивались, звуки искажались, цвета линяли.

И только стилет застыл, искря, переливаясь синим, ослепительным блеском.

В том, другом, наизнанку вывернутом мире, вытянуть руку, перехватить рукоятку, послать стилет обратно, оказалось просто.

Ветер стих. Окружающий мир встал на место.

Миарон уклонился потому, что не был человеком. Человек на его месте был бы мёртв.

Оружие по рукоятку ушло в изображение Хантр-Руама и оборотню пришлось приложить усилие, чтобы извлечь его из камня. Когда это ему удалось, оказалось, что тонкое металлическое жало обкрошилось и потрескалось, утратив кроважидное сияние. По каменному ансамблю пошла тонкая сеть множественных трещинок.

Смерив меня взглядом, в котором удивление мешалось с непонятным мне чувством, Миарон протянул:

– Невероятно.

– Невероятно? – повторила я непослушными, сухими губами, возмущенная до глубины души, от пережитого ужаса находясь на грани истерики. – Невероятно то, что ты напал на меня, без всякого предупреждения, повода и смысла!

Он слегка поморщился, будто услышал фальшивую ноту:

– Говоря на повышенных тонах ты всегда ярко демонстрируешь свою слабость. Старайся этого избегать, Красный Цветок. Итак, урок первый, детка: только в балладах противник заранее предупреждает о нападении. Баллады приятно слушать, только глупо им верить. Внезапность атаки – вот почти стопроцентная гарантия успеха в сражении, глупо этим пренебрегать. Это, во-первых. Во-вторых, в любом поступке смысл есть всегда. Другое дело, что не у всякого хватает прозорливости его разглядеть. В данном конкретном случае я счел тебя ненужной обузой, которую и поторопился убрать. Однако ты сумела убедить меня повременить и не проявлять излишней торопливости. Честь тебе и хвала.

– Ты всерьёз собрался меня убить? – не поверила я свои ушам.

Делая вид, что не слышит меня, оборотень продолжил:

– С предупреждением и смыслом разобрались, ну, а повод?.. К чему зверю повод? Захотелось ударить – я и ударил. Тут-то как раз всё просто. Непонятно другое: как ты сумела сделать то, что сделала – пробить камень обычной сталью, да ещё так, что она вошла в него, как лезвие в масло? Тут мало одной физической силы, которая при твоём росте и весе должна быть минимальной. Тут замешена магия... очень специфичная магия. Кто же такая, Красный Цветок? – в задумчивости он водил остро отточенным ногтем по губам.

– Я доверяла тебе, а ты пытался меня убить...

Я всё ещё никак не могла прийти в себя после случившегося.

– Ну, не дуйся, милая, – ободряюще похлопали меня по плечу. – Я, в свой черёд, верил в тебя и, как выяснилось, не зря. К тому же в мире чего только не случается, мы порой доверяем не тому, кому следует. Предлагаю не вспоминать об опрометчивых решениях, а помириться и пойти завтракать. А за завтраком я расскажу тебе, чем мы тут занимаемся, ладно?

Его рука, опустившаяся мне на плечи и подталкивающая к выходу, не оставляла выбора. Но лишала меня его деликатно и мягко.

Стола не было, мы снова разместились прямо на полу.

– Вкратце расскажу куда и к кому ты попала, – начал Миарон спокойно, будничным тоном. – Я возглавляю негласную Гильдию Убийц, банду наемников, своего рода профессионалов высшего класса. Можно сказать, (хотя лично я не люблю высокопарных слов), что Тени – это виртуозные артисты в своём ремесле.

Блики пламени играли на смуглой коже, придавая и без того резким чертам оборотня демоническую завершенность. А в голосе вновь зазвучали насмешливые, язвительные нотки:

– Скажу тебе по большому секрету, Тени – идеальные марионетки, собственные желания им ни к чему. Я делаю всё от меня зависящее, чтобы способность чего-то хотеть у них вообще отсутствовала. Набираю мальчишек там, где могу, обучаю их. Те, кто в итоге выживают, продолжают заниматься нашим кровавым ремеслом до тех пор, пока не станут достаточно взрослыми или сильными, чтобы представлять опасность для меня лично. Когда такое происходит, я уничтожаю их. Затем все повторяется сначала.

Не донеся кусок до рта, я застыла на последней фразе:

– Но... но в итоге получается, что не выживает никто?

– Всё верно, куколка.

– Тогда зачем?.. Почему они соглашаются?

– Потому что они об этом не знают, – прозвучало в ответ.

Ласково. С насмешливой издёвкой.

– Им об этом я не говорю. А тебе вот сказал. Знаешь, почему? Потому что в отличии от тех, кого без раздумья пускают в расход, ты будешь моим шедевром, Красный Цветок. Совершенным оружием. Я отшлифую грани твоего дремлющего

дара, о котором пока ещё ты и сама знаешь немного. Когда ты закончишь обучение, равной тебе не будет.

- Какая разница, если, когда всё закончится, вы всё равно меня убьёте?

- Всё будет зависеть от той ценности, которую ты будешь к тому времени собой представлять, милая. Всё зависит только от тебя. Убедишь меня оставить тебе жизнь - будешь жить.

Я смотрела на его красивое улыбающееся лицо и не понимала, шутит он со мной так? Или говорит правду?

- Зачем вам всё это? Эти Тени? Развлекаетесь?

- Отчасти, - кивнул он. - Но в основном это просто бизнес. Да-да, куколка, не делай таких удивлённых глаз. Подобный род занятий приносит хорошую прибыль. Кровь врага стоит недёшево. За убийство платят многие: мужчины, женщины, богатые чаще, бедные - реже. Кто-то из мести, кто-то из ревности, кто-то из злости, но чаще всего из простой, древней как мир, корысти. Все, кому не хватает храбрости, умения или силы выполнить грязную работу самому приходят ко мне и покупают врагу, другу, сопернику, любовнику, конкуренту, отцу или брату путевку на другой берег Вечной Реки. А я, в свой черед, спускаю с поводка Тень, ставлю задачу убрать «заказ» не оставляя следов. Магических или кровавых - неважно. Ни одна ниточка не должна протянуться от заказчика к клиенту. «Тень» работает чисто. Очень чисто. А если нет - умирает быстро.

- Выходит, ваш Хантр-Руам не столько страстный, сколько расчетливый демон? - саркастично протянула я.

Миарон в ответ рассмеялся:

- Выходит, что так. Хотя, знаешь, что, малышка?.. Хантр-Руама ведь почитают как тёмное божество, покрывающее порочные страсти, а что может быть порочнее слепого влечения к наживе? Но сделаю тебе ещё одно признание, раз уж меня потянуло на откровения: не только деньги влекут меня, но и кровь, и боль, и ярость. Отчаяние обреченной жертвы сладко. Знаешь, какое наслаждение испытываешь, удерживая в когтях чужое тело и душу? Стоит раз это пережить и этого уже не заменит ничто! Ничто, кроме нового убийства и

новой жертвы.

– Насколько я понимаю, мне-то как раз в ваших играх отведена роль жертвы?

Миарон многозначительно ухмыльнулся:

– Жертва жертве рознь. Убить того, кто слабее тебя, кто не имеет шансов выстоять, много ли в этом чести? Не интересно. Другое дело одержать победу над сильным противником. Сражение своего рода игра, на кону которой лежит не меньше, чем жизнь. Ты даже не представляешь, как скучно порою жить. Особенно в последнее время. Марионетки надоели. Секс, кровь, выпивка – приелись. Даже боль – пресытила. Как порою хочется владеть чем-то настоящим, истинно ценным. Сломать то, что отличается стойкостью, яркостью, цельностью, темпераментом!

– А нельзя не ломать? Так, цельным и ярким, оставить?

Смерив меня непонятым взглядом, Миарон промолчал.

– И что же? – с наивным любопытством спросила я. – Такого противника вы хотите вылепить из меня?

Откинув голову назад, оборотень весело расхохотался:

– Милая моя маленькая куколка, да как тебе такое в голову пришло? Я давно не встречал противников даже среди мужчин, а ты всего лишь женщина. Вернее, станешь ею в будущем.

Стало даже обидно. «Всего лишь женщина!».

– Забудь глупости и перестань воображать невозможное, моя рыжая куколка. Раз уж мы заговорили о тебе, чтобы удовлетворить твоё любопытство, скажу следующее. Большинство детей, обладающих хоть маломальскими магическими способностями, Департамент Магии ставит на учет в том возрасте, когда те ещё пускают слюни и мочатся в штанишки. Если ты до сих пор нигде не засвечена, это будет настоящая удача. Дар у тебя сильный. Вполне достаточный для того, чтобы тобой дорожить. Так что в итоге может быть мы и сработаемся.

Миарон скрестил жилистые руки на груди. Круглые бицепсы даже на вид казались горячими и упругими. А во взгляде сквозила уже неприкрытая жесткая издёвка.

– Благодаря твоей Силе ты будешь самой ценной и самой любимой моей марионеткой. Ну а пока тебе предстоит учиться атаковать и уходить от атаки, читать, плести заклинания, очаровывать, отравлять, соблазнять, карать. Сжигать в жестоком пламени огня и сладком пламени страсти. Словом, учись, дитя! Под моим чутким руководством ты превратишься в очаровательную тварь, равной которой в Эдони не будет.

Веря, что у нас с Миароном установилось взаимопонимание я рассчитывала на его особое расположение. То, что это не так, пришлось понять в ближайшие же недели. И принять, превозмогая горечь и обиду.

На момент моего появления в Доме Теней насчитывалось двадцать пять человек. И все они были мальчиками. Так что я с самого начала стала белой вороной в стае.

Поскольку нашего наставника ни в коей мере не заботила вероятность смертельного исхода в процессе муштры, предложенные им уроки отличались крайне высоким травматизмом и большой вероятностью увечий. Так сейчас, например, предстояло пройти полосу препятствий, длившуюся всего-то ничего – около ста футов. Но путь пролегал через выскакивающие под ноги острые копыя, рассекающие воздух молоты, беспрестанно мельтешащие лезвия, ножи и заточенные диски.

Когда подошла моя очередь, мне, как и остальным до меня, завязали глаза, натянули специальные браслеты, дезактивирующие магические способности, сделали внушение, мол, прежде чем двигаться вперед, необходимо обязательно сосредоточиться. Без полного спокойствия невозможно использовать такие преимущества, как слух, гибкость, способность быстро передвигаться и молниеносно принимать решения. После чего втолкнули в комнату для испытаний.

За спиной раздался скрип – тяжелая железная дверь затворилась, отрезая от безопасного мира.

Прислушиваясь к мертвой тишине, обступившей плотным кольцом, я старалась дышать тихо и размеренно. Механизмы могли сработать на любое, пусть даже и самое слабое колебание.

Я прислушивалась, но не могла различить ни звука. От напряжения даже в висках застучало. Глухой кровавой гул в ушах нервировал, лишая необходимого равновесия. Чтобы избавиться от подступающей паники, я торопливо сделала шаг вперед.

А уже второй шаг пришелся на пустоту – пол разверзся под ногами.

Стремясь удержать тело от падения руки инстинктивно ухватились за пролетающий мимо молот. С силой качнуло назад, затем вперед. Амплитуда движения была такой, что уши заломило от свиста. Плечи от резкого рывка чуть не выдернуло из суставов.

Пока я раскачивалась на импровизированных качелях, туда и сюда, рядом свистели диски и лезвия. В какой-то момент влажные ладони соскользнули, и я сорвалась, при падении больно ударившись об пол. Рядом со звоном вылетали заточенные металлические колья, лишь каким-то чудом я успевала вслепую от них увертываться. Распластавшись по полу, приходилось ползти, перекатываться со спины на живот, чуть ли не кувыркаться пока не наткнулась на стену. Лишь тогда с удивлением и облегчением осознав, что испытание успешно пройдено, а на мне нет даже царапины.

Ноги так тряслись, что далеко не сразу удалось на них подняться. Заскрежетала, поворачиваясь на рычагах, тяжелая каменная плита, позволяющая выйти. Согревающее воздействие света я ощутила даже через тёмную повязку.

– Три минуты сорок секунд, – прозвучал голос Миарона. – Впечатляет. Ты молодец.

Похвала приятно согревала душу, хотя никакой заслуги я за собой не чувствовала. Удачное стечение обстоятельств и только.

Я не видела моего спасителя около месяца и надеялась, что он скажет мне что-нибудь ещё. Все равно что, лишь бы хоть что-то. Но он, равнодушно скользнув по мне взглядом, бросил:

– Ступай, переоденься.

И сделал напарнику знак впускать в Комнату Испытаний следующего ученика.

Или жертву, это как посмотреть.

Естественным наукам, чтению и истории меня обучал Хайсин, престарелый зануда-профессор с ученостью первой степени. По моему мнению старик медленно, но неуклонно приближался к роковой черте, за которой начинается буйное царство маразма. Только одно меня радовало – классная комната, в которой проходили занятия, являлась единственным местом, где сидеть разрешалось за столом, а не на полу.

– Итак, юная маэра, – начинал он каждое занятие с этой стандартной формулировки, – успешно ли вы заучили преподанный на прошлом занятии урок?

Его дребезжащий голос заунывно дрожал в сумеречном, полутемном просторе класса, где кроме нас двоих никого не было.

После этого вопроса я принималась излагать информацию:

– Планета Мирьтэн-Лэо состоит из четырех тектонических плит на которых лежат четыре материка. На материках располагаются семь крупных государств: Эдония, Антрэкон, Мэрикон, Эльферсон, Пирия, Гэстронсон и Фиар. Эдония, хранимая Двудикими, отличается благоприятным климатом, богатой флорой и фауной. Она почти целиком находится в умеренных широтах. На большинстве её территорий климат мягкий, с плавным переходом от одного сезона к другому. Эдония контролируется магами Высшей Гильдии, поэтому различные виды нечисти здесь встречаются крайне редко. А вот виды животных, подчас представляющие опасность для человека, исчисляются сотнями.

Храня в душе надежду на то, что престарелого Хайсина утянет в сон, я стремилась к тому, чтобы голос мой звучал как можно невыразительней и монотоннее.

– С Эдониией соседствует Фиар. В Фиаре поддерживают Черную Гильдию, это единственная страна, в которой Тёмная Магия не стоит вне закона, за что это государство в простанародье получило название Тёмных Земель. За Фиаром раскинулся Антрэкон, простирающийся до крайнего севера. Часть Антрэкона пролегает по горам, среди льдин. Антрэкон населяют проклятые народы, поклоняющиеся Злым Богам. Есть предположение, что именно в Антрэконе находится пресловутый портал Семи Врат, открывающий путь в Междумирье, а через него в любую точку Вселенной, в любой Временной поток. По другим источникам, это вовсе не портал, а Врата Инферно, уводящие в Бездну.

– Портал Семи Врат?..

Хайсин спустил очки на нос и бросил на меня высокомерный взгляд поверх выпуклых линз.

– Врата Инферно?!

Всплеснул старик руками.

– Откуда вы только взяли подобную антинаучную ересь? Кто забивает вашу голову невозможной чепухой?

– Миарон Монтрэй, маэстро, – с улыбкой соврала я.

Ни о чём подобном оборотень никогда мне не говорил. Я сама это прочла в какой-то подвернувшей книжке.

Недовольно кашлянув, Хайсин сделал знак продолжать. Оспаривать слова оборотня достопочтенный не решился.

– Это портал, достоверных сведений о котором не имеется, – четко, без заминки, отчеканила я. – Согласно древним манускриптом, он является мощным артефактом, оставшимся на Мирьтэн-Лэо со времен Смещения Времен и Великих

Войн, когда в мир впервые проникли те, кто называл себя фейри.

– Ещё и фейри?

Учитель укоризненно покачал головой.

– Скажите, пожалуйста, маэра, что именно вы должны были приготовить к сегодняшнему уроку?

– Общие географические сведения о Мирьтэн-Лэо, – вздохнула я, нервно теребя прядь волос.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, на мой взгляд, в географии и речи не ведётся о старинных артефактах? Верно?

Пришлось согласиться с очевидным.

– Я заговорила о портале Семи Врат потому, что никаких сведений, кроме мифических, о Черных Землях в официальных источниках нет.

– Тогда рассказывайте о других материках. И сделайте милость, пусть они, во имя Двуликих, будут официальными!

– Мэрикон населяют расы людей и, как я уже сказала, оборотней. А также, естественно, полукровки...

– Полукровки, да будет вам известно, это вовсе не естественно! – возмутился педантичный учёный.

– Но они все равно существуют! – раздраженно пожала плечами я. – Продолжу, с вашего позволения? С севера и востока материк омывается двумя океанами, Лирией и Синтэ.

Я сделала паузу, созерцая голографическое трехмерное изображение планеты, с её четырьмя материками и пятью океанами.

– Добрых восходов и закатов тебе, Хайсин, – приветствовал Миарон, неожиданно возникая на пороге и тем самым прерывая нашу весьма скучную, хоть и полезную во всех отношениях, беседу. – Как успехи у нашей ученицы?

– Она усваивает науки.

Учитель развел руки в стороны и его балахон, щедро расцвеченный крупными золотистыми звездами, разошелся, выставляя любопытному взору застиранную нижнюю рубаху с опавшими старомодными кружевами.

– Но в этом, с сожалением должен признать, нет её заслуги. Девушка умна от природы, у юной маэры цепкая память, но вот прилежание...

Указующий костлявый перст устремился в куполообразный потолок, где некогда неизвестный художник безуспешно попытался изобразить ночное небо.

– Прилежание, оставляет желать много лучшего.

– Вижу, вы изучаете географию?

Правильно определил Миарон назначение голограммы, вращающейся в воздухе.

– Девушка довольно сносно рассказывала о местоположении материков на планете, – отчитался Хайсин.

– Красный цветок, что такое стихии?

– Источники Силы, задающие направление магии, – ответила я, наслаждаясь тем, что легко могу дать ответ на поставленный вопрос.

– Сколько существует стихий?

Вопросы были даже слишком лёгкими.

– Четыре.

- Перечисли.

- Огонь, вода, земля и воздух.

- Сколько существует направлений в классической магии?

- Тоже четыре: ментальность, природа, жизнь и смерть.

- Какие из них можно использовать, как боевые?

- Все, - уверенно ответила я. - Основой боевого искусства может стать любая из стихий, любое направление. В основе ментальной магии лежит воздействие на мозг, способность накладывать чары и мороки, подавлять волю. Направление Природы учит договариваться или управлять природными духами элементами. Направление Жизнь включает в себя как ментальные, так и природные способности. При нападении данное направление можно использовать таким образом, чтобы заставить ток крови остановиться; точно так же, как при исцелении его ускоряют, насыщая гормонами, тучными тельцами и гемоглобином. О представителях направления Смерть долго говорить не приходится. Оно в основе своей направлено на уничтожение всего живого. Его адепты могут воскрешать мертвых, общаться с духами усопших, а также умерщвлять нежить практически любого уровня.

Миарон ухмыльнулся:

- Хайсин, вы недаром едите свой хлеб. За пару месяцев вам многому удалось обучить девочку. Я доволен.

- Если бы юная маэра обладала достаточным прилежанием... - начал, было, гундеть Хайсин.

- В Бездну прилежание! - рявкнул на него оборотень к моему удовольствию. - И тебя тоже! Убирайся.

Хайсин поспешно исчез, как ветром сдуло.

– Ты его напугал, – прокомментировала я после того, как с удовольствием понаблюдала затворяющуюся за старым занудой дверь.

– Довольно о нём. Мы ведь давно с тобой не виделись, куколка?

Я бросила на него обиженный взгляд. Как будто в том, что он меня игнорировал есть моя вина?

– Хватит дуть губы. Тебе это не к лицу. Сегодня мне припало желание выйти в свет, и я подумал, почему бы не совместить приятное и полезное? Для тебя найдётся работа, милая, – промурлыкал Миарон, приподнимая пальцами мой подбородок и заглядывая мне в глаза. – Посмотрим, так ли хороша ты окажешься на практике, как сильна в теории?

– А просто так, без всяких практик и теорий вы обо мне вспомнить не могли?

– Что?.. – обернулся он, так как уже направился к дверям. – О! Да ты, никак, скучала по мне, моя дорогая? Извини, было много дел. И да, привыкай, обычно я никогда ничего не делаю просто так. И тебе не советую. Развлечения можно прекрасно сочетать с делом, так же, как боль с удовольствием. Увидимся вечером.

Не прошло и двух часов после этого разговора, как мы отправились в путь.

Миарон выглядел весьма импозантно в белом костюме, расшитым серебряными витыми нитями. Широкополая шляпа с пышным пером почти полностью скрывала его кошачье треугольное лицо в густой тени.

Бело-голубой свет первой из лун обратил город в чудесную сказку. Проезжали мы вовсе не по кварталам бедноты, и даже не по районам мещан. Вокруг кружились особняки, жилища потомственных аристократов, отражающие их суть: сдержанное высокомерие, веками копившуюся спесь. Дома, походили на ожившие видения, на грезы, на причудливые фантазии, на спустившиеся с небес облака, сумевшие с легкой руки волшебника принять каменную форму. Особняки сторожили сады, где, несмотря на ранние морозы, продолжали цвести экзотические невиданные цветы. Праздничная иллюминация освещала, а местами подсвечивала чудеса человеческой архитектуры, труды магов, стоившие баснословные суммы, с получением которых, – увы! – у богачей

проблем не возникало.

Мы направлялись в «Опера Феери», туда, где собиралось изысканное элитарное высшее общество Эдонии, его сливки – маги, аристократы, представители правящей верхушки, их строгие элегантные жены и яркие, как тропические птицы, блестящие любовницы.

– Ты должна вести себя так, чтобы сойти здесь за свою, – в последний раз проинструктировал меня хозяин. – Надень маску.

Я вздрогнула, когда его прохладные белые пальцы случайно задели мою щеку, когда он помогал мне справиться с завязками.

Площадь перед зданием заполнилась людьми, прогуливающимися в ожидании начала представления. Сияя искусственным светом волшебных фонарей, огнями канделябров, подъездная площадка напоминала расцвеченную игрушку. Свет преломлялся в многочисленных драгоценностях на лебяжьих женских шеях, в бокалах с алым вином или шампанским; сиял и дробился в фонтанных струях. Такого количества нарядных женщин и красивых мужчин я не видела никогда в жизни.

Чинно расположившись в креслах одной из лож, обитых дорогим гасуэльским бархатом, я жадно впитывала в себя атмосферу роскоши, думая о том, что хотела бы остаться тут навсегда, иметь законное право наслаждаться преимуществами и удовольствиями, доступ к которым открывали высокое рождение или материальное благосостояние. Но память, в редкие моменты, когда давала о себе знать, порождала совершенно иные образы: мусорные кучи, облезлую кошку, с которой я делилась жалкими останками скудного ужина, некрасивые лица детей, швыряющих в меня камнями, мужские фигуры, от которых отвратительно несло перегаром.

Верхний свет погасили. Световой круг выплыл на середину сцены, и туда же потащился сладкоголосый тенор, исполняющий партию главного героя. Артист изображал мага-страдальца, одержимого злым духом. Что-то невразумительно тянул на бесконечно высокой ноте о вечной любви, преданной им за минутную слабость, скулил снова и снова, переходя из одной сцены в другую. Действие ещё не успело дойти до середины, а я уже изнывала от скуки. Моя прямая, незатейливая натура не способна воспринимать изысканно-витиеватую

аристократическую мораль, приторную эстетику, воплощенную в мелодичную сетку. Пусть гремят барабаны, звенят дикие бубны, задавая динамичный жесткий ритм. Пусть аккомпанемент ревет, неистово, вызывающе, дико, захлебываясь во все убыстряющемся темпе. Я буду счастлива. Но сложные восходящие и нисходящие рулады, замысловато построенные музыкальные фразы, переплетенные главные с побочными, партии, все время заходящие на коду – будь они вовеки неладны! Они усыпляют, уничтожают, заставляют голову болеть во всех местах сразу, предавая душу глубокому унынию.

Потирая ноющий висок, я процедила сквозь зубы:

– Двумикие! Долго ещё он будет выть?

Миарон стрельнул в меня изумленным взглядом:

– Выть?.. Тебе не нравится?

– Чему же тут нравится? – искренне удивилась я. – Визжит, как кошка, которой хвост прищепили.

– Ты просто деревенщина, – с возмущением фыркнул оборотень. – Как можно так отзываться об одном из лучших в мире теноров? О мужчине, от которого даже опытные женщины готовы млеть днями и ночами напролёт?

– Такую выдержку им, видно, опыт-то и даёт. Ладно, потерплю. Куда деваться?

Пытка длилась.

По ходу пьесы герой пьянствовал, совращал женщин и мужчин, дрался с друзьями, убил отца, подставил брата, в кульминационной сцене отравил любимую невесту, в финале зарезал нелюбимую любовницу.

Зал внимал, не шелохнувшись, а меня отчаянно тянуло в сон.

Наконец герой скончался под неистовый взрыв оваций. Перед смертью, в бесконечной арии, длящейся никак не меньше четверти часа, утверждалась мысль о том, что себя нужно принимать со всеми, пусть даже тёмными,

сторонами души. Против самого постулата я ничего не имела, вот только изложить его следовало бы короче.

«Браво!!!», – неслось со всех сторон.

– Он неподражаем, – экзальтированно заявил Миарон, тоже рукоплеща. – После такого представления в него влюбится весь зал, без исключения, и мужчины, и женщины. Перед ним совершенно невозможно устоять.

Казалось, он вообще забыл, для чего мы сюда пришли.

Надо же? Садист, торгаш, эстет – и всё в одном лице. Какие ещё сюрпризы таятся в этом странном существе?

Актеры раскланивались, зрительный зал устраивал бурные овации, но словно облако напоззло на сцену. Я очутилась совсем в другом месте.

Дети стояли перед полотном, густо измазанном яркими красками. Женщина в чёрно-белом одеянии, служительница ордена Вечной Жизни, объясняла, что на полотне изображена Светлая Богиня, подательница благодати.

Один за другим дети становились на указанное сестрой место и их восхищенные возгласы свидетельствовали о том, что из хаотичного сплетения красочных пятен им удавалось вычленить божественный силуэт.

Богиню увидели все. Кроме меня. Сколько я не смотрела, до рези в глазах, до головной боли, до дурноты – яркие мазки оставались беспорядочными мазками. И только.

– Смотри внимательнее, Одиффэ. Разве не видишь – вот же она! Как можно не видеть?

– Ничего не видит, потому что она грязное отродье Слепого Ткача, – выкрикнул кто-то из зловредных мальчишек.

Ненавижу чувствовать себя исключенной. Ненавижу! Стоя среди толпы, накрытой бешеным восторгом, среди горящих глаз и разгоряченных тел, я

чувствовала себя такой одинокой в этом море лиц. Совсем как в том далеком детстве, ускользающем из моей памяти, когда все, кроме меня, узрели Богиню, подающую благодать, а я тупо уперлась носом в глухую стену. И никак мне не понять, в чем секрет.

Не дожидаясь, пока смолкнут орации, накинув плащ, я покинула ложу в состоянии крайнего раздражения.

«Смотри внимательнее, Одиффэ, вот же она!».

Одиффэ?..

Голова закружилась. Я остановилась, судорожно вцепившись в перила.

Одиффэ... Одиффэ Сирэнно...

Неужели я вспомнила собственное имя?! О, благодарю тебя, Благая Богиня, которую мне так и не случилось разглядеть!

Двери распахнулись, и толпа хлынула, стекая по лестнице. Гомон голосов, сухой звук стучащих каблуков заполнили пространство. Стало совершенно неважным, кем я была в прошлом. Важно выполнить то, зачем пришли. Сдать Миарону экзамен, не ударив в грязь лицом.

У меня всё должно получиться идеально, если я не хочу в очередной раз наткнуться на насмешливо-снисходительное презрение во взгляде оборотня. Единственная женщина в его мужском мире я должна была стать сильнее всех если хотела, чтобы меня воспринимали всерьёз.

Лицо мужчины средних лет из толпы удалось выхватить сразу. Рядом с ним вышагивала привлекательная брюнетка в лиловом платье, одной рукой опираясь на спутника, а второй скользя по витым, кованым перилам. Толпа была настолько плотной, что люди, как солдаты в строю, спускались вниз плечом к плечу.

Сердце застучало в ускоренном ритме. Рука крепче сжала кинжал, спрятанный в длинном рукаве.

Расправив складки пышного капюшона из легкой газовой материи, покрывающей голову наподобие шлема, я нырнула в людскую гущу. Оказаться рядом с намеченной жертвой, направить в сердце сталь и Силу оказалось несложно. Остро заточенный клинок нашел сердце. Быстро свернувшаяся в сгустки под действием исходящего от руки жара, кровь закрыла рану, как тампоном.

Уже через мгновение людской поток увлек меня в сторону, а спутница убитого не сразу поняла, отчего он остановился, охнув.

Раздались крики, послышался пронзительный визг.

- Что происходит? - продребезжал чей-то голос в толпе.

- Кому-то стало плохо. Немудрено. Здесь так душно! - прозвучало в ответ.

Миарона я дожидалась в карете. Оборотень не заставил себя долго ждать.

- Трогай, - велел он вознице. - Сработанно чисто, - это прозвучало уже для меня. - Потребовалось время, чтобы дурачье сумело понять, что с Дариньоном приключился отнюдь не сердечный приступ, - посмеиваясь в пышные фестоны кружевного шейного платка, произнес оборотень. - Ты умница, Красный Цветок. Я доволен.

- Мне кажется, я вспомнила своё имя, - прошептала я, поднимая на него глаза.

- Правда? - улыбнулся Миарон. - Это здорово. Сегодня удачный день, куколка.

Улыбка у него была равнодушной, дежурной. Миарон даже не пытался выглядеть заинтересованным. Ему было всё равно, кто я и как меня зовут, главное, что свою функцию я выполнила успешно, согласно его плану.

Я вновь опустила голову. В носу щипало, глаза наполнились влагой. Полученная похвала не радовала.

На следующее утро Миарон предупредил:

– Полагаю, ты готова стать Тенью и служить мне. Сегодня вечером сможешь это доказать.

Сердце моё забилося от гордости.

Ближе к десяти часам принесли чёрную одежду, обливающую тело с головы до ног как вторая кожа. Фигуры, одетые в точно такие же наряды, жестом приказали следовать за собой, как только я успела облачиться в мрачное, вызывающее одеяние.

Меня привели в уже знакомый зал с изображением Хантр-Руама и Литуэлли на круглой боевой арене. По обе стороны статуи молчаливо застыло с полсотни таких же как я чёрных фигур.

Миарон возлежал на обтянутых алым атласом подушках, раскинутых на небольшом возвышении.

Когда он заговорил, его низкий грудной голос легко заполнил собой гулкое, рождающее эхо, пространство:

– Сегодня я представляю вам шанс развлечь меня. У меня этакий душевный зуд, можете назвать его капризом: хочу видеть хорошую драку, в которой противник зубами отрывает уши противнику. В вашей партии шестьдесят человек в то время как мне нужно не больше пяти боеспособных новобранцев. С самого начала я честно предупреждал вас, что в Дом Теней ведет много дорог, но выйти можно только одним путем – вперёд ногами. Что-то подсказывает мне, что желающих пойти добровольно на тот берег Вечной Реки среди вас нет? Что ж? Тогда деритесь. Деритесь, как демоны или боги. Деритесь, как умеете. Деритесь за свою жизнь. Используйте приемы, которым обучали вас здесь или где-то ещё. Если честно, мне наплевать, что вы станете делать и безразлично, кто из вас выживет. Да, скажу напоследок кое-что ещё. Настоящий воин всегда помнит, что бой – это не танец, рассчитанный на зрителя или аплодисменты. Бой это проще, азартнее, страшнее. Суть боя проста. Нужно выжить и для этого уничтожить противника. Обнажить сталь! Вы больше не товарищи и не братья. Вы – враги! А врага нужно уничтожить. Убить! Да придет Светлая Ярость!

Я не верила тому, что слышала. В глубине души я всё ещё надеялась, что это какая-то дурная шутка, игра, пусть и жестокая, но не всерьёз. Не может же тот, кто спас мне жизнь, кормил, поил, обучал целых полгода без колебаний рисковать моим существованием, ставить на грань выживания?

Я была наивна. Двумилые! Как же я была наивна! Но в юные годы быть наивным, доверчивым и любящим, как глупый щенок, естественно.

Я верю, что монстры рождаются на свет тогда, когда все лучшие победы человеческой души вырываются, словно сорняк. Спустя многие годы, до сих пор, даже став тем, кто я есть, в глубине души я верю, что до той ночи на кровавой арене я не так уж и сильно отличалась от людей. До той ночи я была просто ребёнком, потерянным и желающим угодить тому, кого считала своим спасителем.

Я вошла на арену человеком, но покинула её демоном.

Я даже ни испытывала ярости поначалу. Просто отбивалась. Ярость – сестра страха и отчаяния. Ярость помогает выжить порой в безвыходной ситуации, когда даже надежда сворачивает свои радужные крылья.

То, что происходило тогда на арене, было ужасно. Молчаливая, беспощадная борьба: клинки, кинжалы, стилеты, голые окровавленные руки, смертоносные выпады, отходы, новые выпады. Сталь свистела и – нет, не визжала – пела, входя в плоть. Кто-то падал. Кто-то продолжал драться.

Поначалу смерть вызывала ужас, а кровь – вполне понятное отвращение. Но потом стало происходить что-то совершенно невероятное, непонятное, неожиданное. Чужая боль начала пьянить как вино, поднимать над землёй, словно крылья. Чужая ярость и чужая смерть дарили непередаваемую остроту ощущений. Никогда в своей жизни я не принимала дурманящих средств, но думаю, что те, кто грешил этим, испытывали нечто подобное: экстаз, радость, бешеный прилив энергии. Я буквально чувствовала уходящую жизнь на вкус и этот вкус мне нравился безумно, неопишимо! В то мгновение все Тени виделись сильными, смертоносными, прекрасными и желанными.

Ножи свистели. Я едва успевала уходить в сторону, скользить на ту сторону мира, где люди двигались медленнее, кинжалы перемещались со скоростью

улитки, будто рассекали не воздух, а кусок теста. Но даже там, в замедленном режиме, клинков было много. Слишком много. Все не успеть отвести. И тогда вокруг плотной стеной вырос огонь. Он разбегался в стороны, словно круги по воде. При соприкосновении с ним железо легко плавилось и шипело, стекая на пол, оставляя после себя чёрные пятна.

Стоя в эпицентре огромной ветровой воронки, я чувствовала, как замерзаю. Холод рвал тело на части, в то время как по сторонам разбегался не лёд, а пламя.

Один огненный вал. Второй. Третий!

Огонь уничтожали все: сталь плавилась, плоть обугливалась.

Никто уже не дрался между собой. Все сплотились против единого врага – меня. Кое-кто делал попытки отступить, но проснувшийся во мне демон был неутолим и беспощаден. Перешагнув очерченный огнем рубеж, ловко выхватив оружие у нападающего, я воспользовалась им в рукопашной, слишком окрыленная силой, чтобы думать о последствиях. Сталь упоенно вошла в тело. Горячая жидкость потекла по отливающему синевой острию, коснулась моих пальцев и, зашипев, исчезла. Поры жадно впитали её в себя. Струи, реки чужой крови устремлялись к рукам, наполняя меня Силой.

Круглая, как арена, площадь, полыхала яркими языками пламени. Волна безумия отступала.

Вослед ей приходило осознание содеянного. Холод. Пустота.

Миарон стоял, скрестив руки на груди и глядел на меня непроницаемым взглядом. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Но почему у меня было такое чувство, что он прячет он меня свои мысли и чувства, полные вовсе не одобрения?

Пламя плясало между нами, яркое, опасное, отбрасывая золотистые блики на наши лица.

– Я выиграла, – сказала я, вскинул голову, почти с вызовом глядя ему в лицо.

– Я вижу, – кивнул он, ухмыльнувшись, но лишь одними губами.

Раздался зловещий скрип. То потайная пружина привела в действие скрытый механизм, поднимая решётки у клеток, которых раньше я даже не замечала. На арену одна за другой заскользили гибкие черные кошки – пантеры.

Дикие кошки подошли к тем телам, которые не были обращены мной в пепел. Они принялись пожирать их, вонзая свои синие когти, разрывая мясо, сухожилия, отрывая кровавые куски мяса с глухим довольным урчанием.

Одна из хищниц, припав к земле, сверкнула на меня глазами. Я сжалась в комок. Странно, но мысль о той силе, которая только помогла мне расправиться чуть ли не с полусотней мальчишек, даже не пришла мне в голову.

Но руки Миарон обняли со спины, защищая:

– Не бойся, тебя они не тронут. Не посмеют сделать то, чего я не желаю. Этот урок тебе предстоит выучить следующим. Хочешь жить – делай то, что я хочу и так, как я хочу. Ты надолго останешься моей игрушкой, Красный Цветок. Моей самой любимой игрушкой. Моей милой куколкой.

Я дрожала. Кровь, огонь, разорванные тела, рычащие хищники и неменяемый хохот – впору сойти с ума.

Впрочем, был ли он у меня тогда, человеческий разум?

Может быть выжить удалось только потому, что его тогда со мной не было?

Глава 5. Кукла смерти

Вода стекала в круглый бассейн с нежным воркованием, отбрасывая сияющие блики на голубой мрамор, пронизанный золотыми прожилками. Пар, поднимаясь к потолку, почти сразу же исчезал. Благодаря отличной вентиляционной системе

предметы сохраняли четкость очертаний и яркость цветов. Фрески, созданные мастерами, желающими увековечить доблестные битвы, смотрелись в этом месте дико и неуместно. Гораздо благоразумнее было бы поместить их в галерею.

Поднявшись по ступеням, тёплым, словно разогретым полуденным летним солнышком, насухо промокнув кожу, я облачилась в очередной варварский наряд, подобранный для меня Миароном. Бросила взгляд в зеркало, чтобы полюбоваться отражением.

Любоваться, без ложной скромности, было чем. Яркая зелень наряда подчеркивала алые всполохи в густой гриве мелких медных кудряшек, перехваченных драгоценными эльферсонскими нитями. Золото звенело, сопровождая мелодичным треньканьем каждый мой шаг. Оборотень не скупился, следует отдать ему должное.

Собственное отражение, взирало на меня чуть насмешливо, со скрытым вызовом и было до кончиков ногтей творением оборотня, принадлежа ему чуть ли не больше, чем мне.

– Отлично, просто отлично!

Низкий голос с хрипотцой уже привычно мурашками расплзался по коже.

– Великолепно выглядишь, моя маленькая огненная ведьмочка! «Смертоносная огнедышащая кукла»! Звучит не плохо, а?

Я с трудом удержалась, чтобы не поморщиться. Миарон отметил это очередной язвительной ухмылкой:

– К сожалению, ты такая деревенщина, что ценить комплименты ты научишься никогда. Если внимание с моей стороны тебя настораживает, успокойся. Будь ты даже в три раза лучше, чем есть, все равно девочки в твоём возрасте не в моем вкусе, и мой интерес держится в рамках чисто эстетических. Ладно, оставим это и поговорим о деле...

Это была вполне в его духе, говорить со мной о деле.

Мы прошли в зал Хантр-Руама, где нашли у подножий алтаря сидящего на полу паренька. Наше появление отвлекло его от разглядывания пожелтевших от времени бумаг, исписанных мелким подчерком.

– Знакомься, Красный Цветок, это Дэйрек. Дэйрек, с сегодняшнего дня будешь работать с напарницей.

Предполагаемый будущий напарник одарил меня неприязненно-изучающим взглядом. Я тоже не стала скромничать, позволив себе пристально его рассмотреть. На вид парню был лет шестнадцать-восемнадцать, черты лица у Дэйрека были невыразительными, весь какой-то приглаженный, будто присыпанный пеплом облик: русые волосы, глубоко посаженные серые глаза, острый тонкий птичий нос, бледная, с серым отливом, кожа. Поза, лицо, взгляд не выражали ничего.

– Присядем, – приказал нам хозяин. – Итак, краткое введение в курс дела? Нам сделали заказ. Некий маэстро, назовем его, Мистер Х, являясь незаконным отпрыском известной фамилии, желает заполучить в руки фамильный родовой артефакт, достаточно древний и сильный, чтобы данный процесс представлял трудность. Изюминка вот в чём – за последнюю пару сотен лет род по прямой линии утратил магические способности при этом, как ни странно, сохранил амулеты, созданные для того, чтобы активировать их. Мистер Х, возможно потому, что является здоровым продуктом множества адюльтеров, а не результатом законных союзов между двоюродными бабушками и дедушками, сносно владеет магией. Но для полного вхождения в Силу ему до зарезу необходима фамильная реликвия – браслет – без которого инициация состояться не может. Такова общая канва. Здесь все понятно, или что-то требует уточнений?

Темы инициаций Хайсин не касался. Самостоятельно же я никак не могла разобраться, почему одному магу для пробуждения скрытых возможностей нужен посох из пустыни, второму – овчинный тулупчик, а третьему никак не обойтись без ведра росы, собранной на заре в пятую ночь третьего весеннего месяца. Но в общих чертах вроде как понятно, так что не стоит лезть вглубь.

Миарон продолжил:

– Прелесть заказа заключается в том, что, поскольку артефакт служит только законным членам семьи (такой вот избирательный ханжа), – ухмыльнулся оборотень, – приручить реликвию у незаконнорожденного отпрыска шансов мало. Возможность появляется лишь при условии, что по прямой линии наследников не остаётся.

– Ты хочешь сказать, мы должны убрать всех законных представителей рода заказчика? – изумлённо протянул Дэйрек.

– Всё верно, – подтвердил оборотень. – Устранить конкурентов, а затем передать клиенту чистую цацку. Будущие страдальцы принадлежат к семейству Пайро-Нэрро. В свое время они владели четвертью суши в Эдони, – продолжил Миарон. – По степени влиятельности их можно сравнить разве что с Грэсси или Чеаррэ. Но род пришел в упадок. Сегодня осталось не больше десятка представителей.

– И ты предлагаешь пересчитать весь десяток острым ножичком?

Будущий напарник коротким смешком выразил сомнения в адекватности подобных действий.

– «Предлагаю» не совсем верное слово. Оно неправильно характеризует ситуацию, – мягко прошелестел Миарон.

– Не уверен, что можно прикончить с десяток человек, повязанных кровным родством, и не вызвать подозрений у Дознавателей, – с сомнением покачал головой Дэйрек.

– А это уже ваша забота работать так, чтобы не мешали ни любопытные, ни подозревающие. Иначе, – многообещающе растянул в зловещей улыбке кроваво-красные губы оборотень, – подарю ваши головы Слепому Ткачу.

– Пайро-Нэрро?

В задумчивости повторила я, невольно задерживая взгляд на острых когтях оборотня.

– Великолепная Гиэнсэтэ, прекрасная куртизанка из Альфийских Садов носит эту фаилими. Её тоже нужно будет уничтожить?

– Увы. Мое восхищение талантами знаменитой танцовщицы не способно отменить приговора, коли есть на то воля Тёмных Богов, – равнодушно пожал плечами Миарон.

– Она содержанка Теи Чеаррэ, Стальной Крысы Департамента, – поделился информацией мальчишка. – Глупо её трогать.

– Кто такие эти Чеаррэ?

– Именитое, могущественное Правящее Семейство Эдони. Его представители занимают практически все ключевые посты в стране, а также же имеют вес в сопредельных государствах. Их Стальная Крыса юркое, вьедливое, докучливо существо. От него порой сложнее избавиться, чем от истинных длиннохвостых.

– Все верно, – отважился мальчишка на дерзкую попытку поворчать. – Миарон хочет сунуть наши головы прямо в пасть дракону.

– Крысы не драконы, – обаятельно улыбнулся оборотень. – Да и кто сказал, что будет легко?

Не удержавшись, я засмеялась. Чтобы не обостряться, предпочла сменить тему. Вернее, вернуть её в прежнее русло:

– Эти Чеаррэ, – вернулась я к интересовавшему вопросу, – они политики?

– Политики, ученые, военные, министры, учителя, шпионы, – да кто угодно! – раздраженной скороговоркой отчеканил Дэйрек. – Нет ни единой сферы, куда не просунулись их фарфоровые кукольные физиономии. Они словно морок – везде и всюду. И лучше бы с ними не связываться.

– Довольно! Ты сказал – я услышал, – угрожающе промурлыкал наш наставник. – Не говори лишнего, милый.

Выдавшийся пасмурным и дождливым день почти незаметно перетек в вечерние сумерки. Осень повсюду разбросала мягкое золото. Листва, шелковистая, нарядная, упала на выпирающие из-под земли корни деревьев, отдыхала на почерневших, набухших от нудных дождей дорожках, удерживала в сердцевине естественных чаш драгоценные капли влаги. Раскинувшийся вокруг дома старинный парк огораживала похожая на причудливое кружево чугунная решетка. С первого, со второго, и даже с третьего взгляда парк казался незнакомым с безжалостными, но возрождающими ножницами садовника.

Сам особняк отличался высокомерием, свойственным старым аристократам. В человеческий рост полукруглые окна, стройные фронтоны у входа, вытянутые к небу массивные трубы под красной черепичной крышей – всё имело полный достоинства вид. У подножия широкой лестницы, ведущей к дому, расположился причудливый фонтан, в центре которого дикая нимфа с оголённой грудью застыла в позе, причудливой и эротичной. Из кувшина, что прелестница удерживала над головой, тонкими струйками стекала вода, прочерчивая мокрые блестящие дорожки по соблазнительно-бесчувственному телу. От шеи к груди, от груди к пышным бёдрам, скрытым соскользнувшей мраморной туникой ползла вода вниз до тех пор, пока с тихим шелестом капли не падали в бассейн.

Услышав подозрительный шорох, я поспешила скрыться за одним из толстых стволов платана.

К фонтану спешили двое: прелестная женщина и юноша удивительной красоты. Можно подумать, что, создавая его, боги специально смешали лунный свет Сиа с густой тенью, после чего и соткали эту воздушную светящуюся плоть. Сказочная лучезарная принцесса, переодевшаяся в мужское платье, не могла выглядеть прелестней. Рот чуткий, чувственный и капризный, невольно притягивал взгляд. Блестящие волосы волнами обрамляли тонкое чеканное лицо подобно дорогой рамке. Большие, глубокие ясные глаза, затененными изогнутыми длинными ресницами с первого взгляда казались темным и лишь при более пристальном рассмотрении оказывалось, что радужная оболочка их вовсе не черная, как час восхода первой из лун, а темно-зелёная. Что-то в выражении лица, в движениях изящного тела, которому по прихоти природы никогда не суждено было стать широким и массивным, заставляло меня смотреть на юношу снова и снова. Улавливало душу, как бабочку силок. Затягивало, будто в большую воронку.

Женщина осторожно присела на край бассейна. Широкие атласные юбки на неё выглядели нереальным продолжением причудливого нагромождения мрамора. Драгоценности блестели, сверкали и переливались так, словно звезды стряхнули серебряную пыль, и те обсыпали незнакомку мерцающей пудрой с ног до головы.

Юноша, обхватив руками тонкую талию, прильнул к красавице. Смоляные локоны переплелись с ярко-золотистыми – красивый контраст.

Рука женщины запутались в мягких влажных кудрях мальчика, задержалась на плечах, затем мягко его оттолкнула:

– Тэи может вернуться в любую минуту. Хочешь оскорбить любимого дядюшку? – игриво улыбнулась Гиэнсэтэ.

– Интуиция подсказывает, что любимый дядюшка и без того давно знает, что твою снисходительность мы с ним делим пополам.

– Конечно, он догадывается, – тряхнула головой женщина, нервно похлопывая ручкой веера по ладони. – И – Бездна! – его это мало волнует. Не дуйся, дорогой, и не ревнуй. Тэи такая глубокая личность, что я боюсь в нём утонуть и кануть без вести.

– А во мне ты утонуть не боишься?

Смех женщины вызывал желание поежиться.

– Я не хочу говорить, я хочу – тебя, – проворковала красавица наконец. – Давай поднимемся наверх, застраховавшись от возможных неприятных случайностей, – в мелодичном женском голосе хрустальной трещинкой звучала неприкрытая насмешка. – Не будем терять времени, – порывисто, с грациозностью балерины, сумевшей прославиться на весь мир, Гиэнсэтэ поднялась, оплетая шею любовника руками. – Ведь совсем скоро мы сможем только вспоминать о наших ласках.

– Почему все должно так быстро закончиться? – ласково сжав в ладони руку любовницы юноша вопросительно заглянул ей в глаза.

– Потому что все имеет плохую привычку заканчиваться. И чем ярче момент, тем он короче.

– Но ведь в этом его прелесть! – Ухмыльнулся мальчик мужской улыбкой. – До завтрашнего дня мне нет дела. Главное, что сегодня нам хорошо.

– Жестокий мальчишка!

Тонкий палец, приставленный к губам проказника, заставил его замолчать.

– Удовольствие, знаешь ли, ещё не любовь?

– Есть разница? – тряхнул головой падший ангелочек.

– Есть, – отозвалась искусительница. – Удовольствие – радость тела. Любовь – душевная боль.

– Ну... тогда я выбираю удовольствие.

– Кто бы сомневался в твоём выборе? – засмеялась женщина.

Парочка, взявшись за руки, направилась в дом. Они напомнили мне шаловливых котят, твердо намеренных стащить хозяйские сливки.

Я кралась следом, собираясь подняться на второй этаж. Согласно сведениям, полученным от Миарона, именно там Гиэнсэтэ хранила любимые драгоценности, важные документы и (один шанс на тысячу) пресловутый искомый браслет.

Запримеченная мной ранее витая изогнутая труба послужила отличной лестницей. На балконе скопились сухие листья. Осторожно перешагнув их, чтобы не шуршали, я в нерешительности остановилась. Окно призывно светилось, маня ещё раз бросить взгляд на красивого мальчика. Понимая, что Миарон не будет в восторге от проявленной самостоятельности, все же я повернула совсем не туда, куда собиралась, устремляя взгляд в глубь комнаты.

Горели свечи, озаряя все вокруг теплым трепетным светом. Центр занимала кровать, на которой со всем пылом сражались любовники. Юноша обнаженным

выглядел ещё привлекательнее, чем в одежде. Его кожа словно мерцала в полумраке. Гибкое, с упругими, округлыми, твердыми ягодицами, узкими бедрами, длинными стройными ногами мужское тело впервые вызвало чувственное томление, желание прикоснуться, провести пальцами по фарфоровому торсу. Воображение позволяло почувствовать мягкую твердость тугих мышц под ладонью.

Мне впервые довелось наблюдать за столь сокровенным действием. Оно звучало – именно звучало – красиво. словно танец. Движения женщины становились ритмичнее, жестче, требовательнее. Лицо мальчика, напротив, казалось расслабленным.

Неожиданно юноша повернулся к окну, словно почувствовал мой пристальный взгляд.

– В чем дело? – недовольно спросила Гиэнсэтэ.

– Там кто-то есть.

– О чем ты? – раздраженно повела она круглыми плечиками. – Я – всего лишь куртизанка, ты – любимый наследник; я мелкая сошка, ты – крупная рыбка. Никто к нам не сунется. – Поцеловала она мальчика. – Нам не стоит беспокоиться по мелочам. Разве что Тэи придет раньше времени?.. Ну да он подсматривать не станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ekaterina-oleneva/krasnyy-cvetok-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)